

Юлия Шолох

ПОЛЧАСА
ДО ВЕСНЫ

Юлия Шолох

Полчаса до весны

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Юлия Шолох – популярная российская писательница, работающая в жанре фэнтези. Поклонница фантастических романов и мистики, однажды она решила попробовать себя в литературном творчестве. Попытка удалась. Читатели отметили яркий дебют Юлии. Последующие публикации оправдали их ожидания: от этих книг, наполненных приключениями, таинственными загадками и трогательными любовными историями, невозможно оторваться.

Роман «Полчаса до весны» – прекрасный образец романтического городского фэнтези. Нежданное появление магии не привнесло в мир доброты. Теперь или ты им управляешь, или служишь тем, кто управляет. Причём и этого мало магам: они желают больше власти, хотят обладать новыми возможностями. Главная героиня всегда любила витать в облаках, и даже теперь ухитряется быть счастливой, несмотря на то, что от неё ничего не зависит. Возможно, дело в одном маге, который совсем не похож на других... Подробности – в книге.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Прибытие	13
Глава 2. Сила десерта	38
Глава 3. Детские города	69
Глава 4. Партия «Наравне»	92
Глава 5. Подводные течения	117
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Юлия Шолох

Полчаса до весны

Пролог

Мужское рабочее общежитие выглядело еще неопрятней женского, особенно во мраке позднего вечера, еле разбавленного светом фонарей, половина из которых не работала, а половина светила на последнем издыхании.

И пахло тут по-другому. Застарелым потом, ядерной краской и еще чем-то приторно-горьким.

Зара поежилась, но решительно двинулась дальше. Бригада Басалыка проживала на втором этаже. Зара вошла в подъезд и тут же отпрянула к обшарпанной стене, потому что по лестнице спускалось трое мужчин, обладающих наружностью весьма далекой от доброжелательной. Они окинули ее заинтересованными взглядами, но Зара опустила глаза и по стеночке прошла мимо, тихо-тихо пробралась – и ринулась дальше по коридору. Всем известно, какого типа женщины посещают мужскую общагу, да еще так поздно вечером. Но Зара только сейчас решилась, только в это время смогла выбраться – когда небо сгустилось тучами, а солнце сменил месяц.

Потому что она должна знать.

Блок нужной бригады под номером три, состоящий из двух комнат, санузла и душа, был вторым слева. Кто бы знал, как сложно было Заре добыть информацию о точном местожительстве Басалыка! О нем столько болтали – и в женском общежитии, и на фабрике, и в столовой. В любом месте, где рождались сплетни, Басалык стоял первым в очереди. И его высокомерие, и придиричивость, и тайна, окружавшая его появление на фабрике сразу в роли бригадира, хотя любому понятно, что опыта в этом деле у него не имелось ни малейшего. Зато, видимо, имелся влиятельный покровитель, но при этом покровитель ни разу не засветился. Правда, поговаривали, что такие прибывшие «из других мест» работники на самом деле преступники, которых родные за большие деньги скрывали от правосудия, а то и кварталы, но это же байки! Станут кварталы своего, пусть и преступника, помещать в подобные условия! Так что на самом деле неизвестно, кто он и откуда, и нет никакой возможности установить, поэтому и сплетен все больше. Да еще учитывая, что, несмотря на первоначальное отсутствие опыта, Басалык сумел довольно быстро обуздать свою бригаду и теперь держит их в ежовых рукавицах – они и слова без его разрешения не могут сказать в рабочее время. И даже после слушают его приказы. И это послушание ему пришлось выбивать, в том числе кулаками.

Но Зару волновало другое.

Она несмело толкнула дверь – и та сразу распахнулась, правда, с пронзительным скрипом. Хотя она была доволь-

но крепкой и блестяла новыми петлями, судя по вмятинам, не так давно дверь сильно пострадала и подверглась основательной починке. Замок и вовсе отсутствовал, на его месте красовалась неровная дыра. И правда, кто в своем уме рискнет сунуться к бригаде Басалыка? Совсем уж безумец...

В небольшой прихожей было темно. Внутренние двери в комнаты распахнуты настежь. Оттуда лился яркий свет, доносились мужские голоса и чей-то приглушенный хохот. В душе шипела вода. Люди отдыхали, готовились к завтрашней смене.

Зара потопталась у входа и напомнила себе, что должна знать!

Она сделала еще пару шагов так, чтобы оказаться напротив открытой двери. Когда кто-то присвистнул, еле сдержалась, чтобы не броситься наутек. Но нет, она уже все решила и не уйдет, пока не выяснит то, зачем явилась.

Зара постаралась взять себя в руки. Хотя это сложно сделать, когда на тебя пялятся несколько мужчин, причем некоторые из них не совсем одеты, а остальные находятся глубже в комнате и вот-вот подойдут полюбопытствовать, что происходит.

– Ты чего тут делаешь? – озадачено спросил рыжеватый курносый парень, который вытирал мокрые волосы выцветшим полотенцем.

– Я... – Зара и сама еле себя услышала, поэтому набрала полную грудь воздуха и сказала громко: – Мне нужно пого-

ворить с Басальком.

– С кем? – изумился его сосед, сидящий на кровати, на покрывале с бежевыми цветами, одной из вещиц, призванных создавать уют, но сложно придать этому месту домашние черты, ведь комната, под завязку набитая рабочими, их одеждой и личными вещами вряд ли когда попадет на страницы журналов по модному интерьеру.

Что, кстати, за мысли такие? При чем тут интерьеры? Полезет же в голову всякая чушь, ну какое отношение имеют интерьеры к ее жизни, окруженной другими фабричными рабочими и общественным имуществом? Комната на восемь человек, из всех личных вещей – тумбочка с ящиком, да и тот толком не запирается.

Хотя врач говорил, у нее еще не все в порядке с головой. Она очень долго болела, так, что даже родные оставили ее в специализированной поликлинике. Врач сказал, в голову могут лезть всякие непривычные мысли и ошибочные воспоминания, и обо всем обязательно нужно рассказывать ему, он объяснит, где правда, где ложь.

Но сегодня Зара не пошла к нему, а пошла сюда. Ведь доктор говорил о воспоминаниях? Конечно, она не посмела бы нарушить его указаний, да только дело в том, что воспоминаний-то как раз и не было.

Зара отступила в коридор.

– Скажите ему, я тут жду.

– Басальк! К тебе девица какая-то с фабрики!

Зара уже не видела их, отойдя от двери. Сейчас он выйдет и она... Сейчас это произойдет и она узнает... Через миг...

Но когда он вышел, Зара все равно застыла от неожиданности.

Басалык был высок, сосредоточен и насторожен. Спецовка, которую носили все рабочие фабрики, выглядела на нем так, будто он позировал для рекламы этой самой спецодежды. Благодаря обманчиво спокойной позе и осанке он даже в ней выглядел небрежно и уверенно, будто в дорогом костюме.

Стильно? А это что такое?

На его правой щеке темным пятном выделялся кровоподтек. Губа слева тоже была разбита, но похоже, уже давно, несколько дней назад.

На фабрике непросто отстаивать свое лидерство, все знают.

Конечно, она не раз видела его прежде. В основном издалека, и конечно, она обращала на него внимание, как и все остальные рабочие. И сделала вывод, совпадающий с мнением остальных, – он резок, непримирим и саркастичен.

Она издалека наблюдала, как он двигается, смутно слышала голос, но отчего-то никогда не рисковала подходить к нему близко.

Тот раз, когда они столкнулись во дворе и Басалык наклонил голову и нахмурился, тщательно всматриваясь в ее лицо, и после, когда она убегала оттуда как оголтелый заяц, потом долго снился Заре в кошмарах.

Зара заставила себя дышать. Басалык хмурился, с некой долей брезгливости оглядывая ее платье. Да, что поделать, она, в отличие от него, выглядела довольно серо, так что это выражение вполне оправдано. Басалык внимательно осматривал ее снизу вверх, а когда дошел до лица, вдруг протяжно выдохнул и замер.

Сплетни утверждали, что он не обращает внимания на девушек, хотя желающих немало. Говорили, он так к ним относится, как будто они... второй сорт, не стоят внимания, а тем более обхождения. Да, он вежлив, но его вежливость попахивает тонким оскорблением, которое чувствуешь нюхом, но не можешь вычленишь из контекста, потому злишься еще больше. Да, он привлекателен, не столько красотой, сколько силой и влиянием, которое излучает, несмотря на свое место – бригадир, по меркам фабрики – почти царь и бог, за пределами забора – такая же шваль, как они все.

Басалык дернул головой и снова замер, настырно изучая ее лицо. Зара вдруг оказалась к нему очень близко и заглядывала в его глаза с не меньшей жадностью. В ушах так сильно звенело от какого-то незнакомого ощущения, зудело от подступающего приступа памяти, что просто удивительно, как она не оглохла.

Он молчал – ошарашенный, изумленный.

– Я хочу знать... Я не понимаю ничего, но недавно нашла... нашла свой старый дневник, который до болезни... Когда-то вела. Наверное...

Басалык непроизвольно подался вперед, напряжено вытягивая руки вдоль тела, будто боялся, что они против воли примутся вытворять нечто недозволенное. Его глаза нервно блестели, а губы подрагивали, будто он изо всех сил пытался что-то вспомнить или что-то понять.

– Там ты... Я не умею рисовать вроде бы. Но там нарисован ты. Совершенно точно. Только у тебя волосы были короткие...

Зара резко подняла руку и вздохнула сквозь зубы, когда рука будто сама по себе прикоснулась к его щеке, а потом осторожно прижалась к ней. Испытанный восторг и нечто, похожее на торжество, затопили душу теплой и сладкой волной.

Он вздрогнул, но не отстранился, а все так же настойчиво, будто боясь потерять какую-то необъяснимую связь, смотрел на Зару.

– Там написано... что я тебя безумно любила. Просто с ума сходила. Готова была все отдать. Что это такое? Я не понимаю. Я ничего не помню. Как это может быть? Я много болела, но это...

Когда она сюда шла, то не собиралась говорить всей правды. Зара собиралась просто задать пару наводящих вопросов и попытаться вспомнить, какое отношение он имел к ее прошлой, забытой жизни. Просто хладнокровно и продуманно прощупать почву и удалиться, а потом уже решать, что к чему. Но сейчас не смогла промолчать. Почему-то казалось,

что прикасаться к его колючей щеке вполне себе допустимо и даже больше, очень правильно, и что ему можно рассказать обо всем.

Несмотря на неподвижность Басалыка, Зара слышала, что его сердце колотится так же сильно, как и ее собственное. Она забыла, где находится, забыла, что происходит, про людей которые находятся в соседних комнатах и могут в любой момент выйти в коридор и застучать их вместе. Про свою жизнь, работу, общую комнату, кровать в углу с жестким бельем, пахнущим хлоркой, про листы из дневника, найденные в вещах старого хранилища.

Про все.

Басалык дернул головой, отчего прижался к ее ладони сильнее, но словно изумляясь самому себе, тут же отшатнулся обратно и застыл.

Это имя ему не шло. Совсем не подходило.

От позы, когда он старался не шевелиться, на его лбу от напряжения выступил пот. Неожиданно он поднял руку и тяжело опустил её на плечо, схватился за него, сжав почти до боли, и неизвестно, чего он хотел – оттолкнуть Зару прочь или, наоборот, обнять так, чтобы кости захрустели.

Они заговорили одновременно.

– Кто ты такой? – с отчаянием выдохнула Зара, которая не могла заставить себя перестать его гладить. Не могла заставить не прикасаться к его теплой коже, к человеку, которого все опасались и никто не знал.

– Кто ты такая? – одновременно спросил Басалык, наклоняясь ближе, будто не смог больше сопротивляться притяжению и сдался.

Их взгляды сомкнулись в единый замок, отпирающий тайное, и дверь приоткрылась...

Глава 1. Прибытие

Руки отваливались. Тяжеленный чемодан пришлось тащить самой, потому что, понятное дело, таксист без дополнительной платы «не нанимался». А дополнительной платы она себе позволить не могла, как и улыбаться, рассчитывая на бесплатную помощь. Никакая милая улыбка не затмит собой потрепанную выцветшую куртку и похожую на котелок шапку.

Впрочем, привычка обходиться своими силами оказалась как нельзя кстати. Жаль только, одно колесико чемодана сбилось вбок и теперь тормозило движение, а тонкая ручка до боли впивалась в ладонь.

Кветка добрела до ворот, отпустила чемодан, с облегчением вздохнула, разминая большим пальцем оставшийся на коже след, красный и глубокий, и только тогда заставила себя поднять голову, будто налитую свинцом – и посмотреть вверх.

Острроверхая черепичная крыша академии, казалось, воткнута в облачное небо, как штырь. Массивные стены из серого камня выглядели мертвыми, где-то высоко блестели узкие окна, а каменные стражники, охраняющие высоченный забор, пристально смотрели своими черными глазками-бусинами – единственным, что у них шевелилось, когда они наблюдали. Ходили байки, что они умеют меняться – и то-

гда комок перьев, острых самих по себе, дополнялся клювом-иглой и пронизывающим воем-свистом. Этакая сирена, только способная подлететь вплотную и наподдать клювом в мягкое место. Вранье, конечно, пока квартам оживление мертвого недоступно. Да и опыт есть – такие же охранники были в детском приюте, где Кветка проводила неделю, обучаясь в школе, а на выходные возвращалась в приемную семью. Кроме нее, в семье было еще восемь детей, причем все старшего возраста, поэтому Кветка всегда оставалась крайней – ей доставалось мытье посуды, грязная обувь, уборка и даже огород, который держали, чтобы разнообразить питание качественными домашними овощами. Много работать она привыкла уже лет с семи и честно считала, что детей усыновляют именно для того, чтобы они работали. Это ведь дешевле, чем нанимать слуг.

А теперь еще академия...

Роскошь и основательность здания поражали. И не только поражали, они прямо фыркали, насмехались и всячески давали понять – тебя тут не ждут.

Кветка и сама это знала. Кожу покрыли противные мурашки, и не только от осеннего злого ветра – а еще и от дурного предчувствия. Того самого предчувствия, когда ничего не можешь изменить и готовишься терпеть.

Как последняя капля, указывающая на ее положение в социальной лестнице, скрипнули ворота и стремительно стали отъезжать в сторону. Только тогда она поняла, что стоит по-

среди дороги. Кветка наклонилась и снова схватила ручку чемодана, морщась от боли. Она дергала его изо всех сил, но пару секунд топталась на месте, и этого оказалось достаточно, чтобы машина всю загудела.

– Эй, свали с дороги, – крикнул в приоткрытое окно раздраженный женский голос.

Кветка, не поднимая глаз, дернула чемодан еще раз и наконец оттащила в сторону.

– Очередная шалашовка прибыла, – прокомментировала вслух девица и нажала на газ. Машина рванула. Будь дело после дождя, Кветка окатило бы из луж с ног до головы, но повезло.

Стоило насторожиться – если повезло, пусть даже по мелочи, значит, впереди сильное невезение.

Теперь стены казались еще мрачнее, а у охранников в глазках появился злорадный блеск.

Кветка опустила голову, не рискнув посмотреть машине даже в след. Жизнь научила не делать ничего, что примут за вызов, молчать, прятаться и терпеть. Она была самой натуральной и совершенно неисправимой трусихой. Да, была, а кем еще можно вырасти, если тебя с раннего детства затюкали старшие «братья и сестры»?

«Ты медуза», – говорил кто-нибудь из них, бесцеремонно вытряхивая ей под ноги корзину грязных вещей, требующих стирки, или сваливая посуду в раковину. – «Медузе – медузья жизнь», – говорили они.

Поэтому Кветка не отличала приют от приемного дома – она не любила находиться ни в одном из этих мест. Училась, впрочем, неплохо, с удовольствием оставалась на дополнительные занятия и, повзрослев, так же, как сверстники, любила прогулки в темноте и танцы.

Ну а старшие, которые украдкой от взрослых обижают и отвешивают затрещины младшим, – кто через это не проходил?

Кветка не решилась больше отпускать ручку чемодана, так и стояла, вцепившись в него, пока ворота не закрылись.

Все, что за этими стенами, заранее не нравилось, причем сильно, но выхода не было.

Она подошла к калитке в виде арки, украшенной чугуном плющом, и нажала на звонок. Переговорное окошко тут же загорелось – узкогубая молодая женщина с яркими голубыми глазами и в форме обслуживающего академию персонала внимательно уставилась на нее и отрывисто спросила:

– Да?

– Добрый день. Я прибыла на обучение, курс минималистов. Мое имя Кветка Царелора.

Женщина отвела взгляд, просматривая что-то, лежащее перед ней на столе.

– В списке такая не значится.

– То есть как?

Теперь от страха ощутимо тряхнуло. Как не значится?

– Вас нет в списке, – невозмутимо повторила женщина и

так поджала свои и без того узкие губы, что они практически исчезли.

– Подождите!

Мысль, что сейчас женщина возьмет и отключится, а ей придется остаться тут, на улице, в незнакомом месте, без денег и знакомых, превратила Кветку в соляной столб.

– Когда подавали документы? – сжалилась собеседница.

– Я не подавала. Две недели назад мне пришло оповещение.

– Оно у вас?

Кветка отпустила чемодан, который немедленно принялся клониться на бок и почти свалился на асфальт. Одной рукой она схватилась за него, стараясь удержать, прижимая к ноге, как брыкающуюся козу, а другой, останавливая ремень сумочки, заскользившей с плеча.

Поза вышла, сказать – нелепая – значит, ничего не сказать.

– Вот каракатица, – рассмеялись за спиной.

Очередная машина – белоснежная и узкая, въезжала в ворота. Она подъехала так неслышно, что Кветка и не заметила.

Она тут же опустила глаза. Машина под завязку была забита молодыми людьми и девушками, и все они выглядели как хозяева жизни. Впрочем, они ими и были. Кветка не обольщалась, будто могла появиться пред сокурсниками-квартирами при других, более выигрышных, обстоятельствах и по-

лучить более теплый прием. Такого варианта не существовало в природе. Ее место – внизу иерархии, за пределами любовью магической квартиры.

Она отвернулась, поставила чемодан и принялась копаться в сумочке. К счастью, она оказалась достаточно предусмотрительной, чтобы взять присланное из академии оповещение с собой. Оповещение, с ног на голову перевернувшее ее пусть не особо счастливую, но хотя бы простую и понятную жизнь. В нем витиеватым языком говорилось, что в течение двух недель Кветка обязана явиться в Академию квартиры вулкана и приступить к обучению по программе уровня минималистов.

Сначала Кветка посчитала это обычной путаницей, ошибкой академического секретариата, но вышло, что все правда, что ее действительно записали на одно из вакантных мест для обучения «малоодаренных» в соответствии с Конституцией, гарантирующей права на получение образования обычных людей наравне с квартами. Конституция времен появления первых магов, которой люди попытались ограничить их возможности и сохранить свои права. Как будто это в принципе осуществимо.

Вон, к примеру, квартиры последних поколений способны войти в битком забитый народом зал и заставить их всех плясать под свою дудку.

Так их сила и измеряется – количество человек и длительность времени, которое маг способен удерживать их волю

под контролем.

Коэффициент сэнсуры.

Так о каких равных правах может идти речь?

Однако в хаос тоже нельзя скатываться, так как в результате открытого конфликта часть населения исчезнет с лица земли. Большая часть – потому что, понятное дело, сдадут люди, и тогда квартам некем будет управлять, не на ком отрабатывать свои амбиции и не на кого сбрасывать всю грязную работу.

В общем, это дела далекие, да и не ее уровня, но, судя по написанному в письме, все данные учеников, обладающих хотя бы крошечными зачатками магических способностей, по окончании общей школы автоматически направляются в кварталы, где случайным образом проводится выборка и некоторым «везунчикам» выпадает шанс пройти простейшее обучение, после которого они смогут качественно повысить свой статус и жизненный уровень.

Кветке и в голову никогда не могло прийти, что ей так подфартит. Жить среди балованных с рождения потомков кварталетов, в меньшинстве минималов... она знала, что такое детдом и борьба за выживание. Среди магов шансы выжить стремились к нулю.

Но выбора тоже нет. Никакого. Такие письма не отпинывают с дороги, как принесенную ветром старую газету.

И дались же ей эти магические способности! Толку-то от них? Возможно, если ее саму и ее потомство скрещивать с

такими же по уровню магии людьми, через пару веков и получится полноценный маг, но это только при большом везении.

Лучше бы их и не было вовсе!

Кветка сглотнула, собралась и принялась искать письмо. Нашла в паспорте. Потом, повинувшись указаниям женщины, прислонила бумагу к глазку камеры.

– Ждите, – экран погас.

Кветка стала ждать, стараясь не всхлипывать от жалости к самой себе. Что ж она такая невезучая? Не считая масштабного невезения, даже мелочи всегда против нее. Холодало, а она промочила ноги, когда на вокзале спускалась с лестницы, не посмотрела, куда наступает, и угодила в лужу. Вода тут же хлынула через край ботинка, и теперь правая ступня практически онемела.

Что будет, если в записях не найдут ее имени? С одной стороны, не придется тут учиться... Стоило развить эту мысль и ближайшее будущее стало выглядеть не таким мрачным. Чем тогда обернется жизнь? Возвращение в глубинку, подальше от кварталов, работа где-нибудь на ферме или небольшом заводе. Кухня – самое любимое и спокойное место в доме, небольшой огород, безвкусная и пестрая, но зато собственноручно посаженная, клумба под окном и ни единого кварта на горизонте.

Правда, если это случится немедленно, идти ей в городе некуда. На обратную дорогу денег не хватит, приемные ро-

дители выдали всего двести рублей, да и то без большой охоты. Этого хватило на оплату билета в поезд – 147 рублей, такси, без которого она элементарно не нашла бы дорогу – 33, карты города, купленной по прибытию – 4. В общем, возвращаться в родной город пришлось бы пешком.

Интересно, насколько реально тут подработать на обратный билет? Вряд ли это подходящий вариант. Есть еще один – позвонить домой и просить выслать денег на обратную дорогу, но тогда ночь придется провести на вокзале, потому что почта в такое время не работает. И это не считая недовольства приемной семьи и того момента, что все до копейки придется отработать. Деньги немалые, но сейчас, на пустом тротуаре под забором академии кварталов любые долги кажутся ерундовыми.

В общем, приятного будет мало, но выход обязательно найдется.

Хотя чего зря думать? Вот если в списках ее нет – тогда можно.

Кветка вздохнула и продолжила размышлять, уже в подробностях, как и куда звонить. Придется подключать межгород, потому что ее карта, купленная год назад вместе с телефоном, тут не работала без смены тарифа. Тоже не факт, что получится купить новую ночью. А тогда...

Что поделать, Кветка всегда предпочитала обдумать проблему и пути решения заранее, на случай неожиданных неприятностей, ведь когда они случатся, времени на раз-

мышления уже не остается.

Тем более решение подобных задач хорошо занимало свободное время.

Ворота то и дело открывались, пропуская машины студентов. Приезд вечером выходного дня не был ее выбором – так прибывал в город ближайший к необходимому сроку поезд.

Каждый раз, заслышав шум мотора и шуршание шин по асфальту, Кветка опускала глаза.

Она уже сторонилась этих людей. Своя машина... в ее городке мало кто имел свою личную машину, да еще такую красивую. Кветка с трудом могла представить, сколько такая стоит. А значит, и на другие вещи у них хватает, они же кванты – властелины мира. Что между ними может быть общего? Их показывают по телевизору в передачах о райской жизни. Они окружены красотой, роскошью и свободой – всем тем, о чем втайне мечтают обычные люди.

Когда-то в мире существовали звезды эстрады, миллионеры, знаменитые спортсмены. Сейчас их заменили кварталы.

Экран все так же не загорался.

Кветка сжала руки в кулаки, вложив друг в друга, и стала дуть на пальцы. Перчаток у нее не было, дома они ей были без надобности, потому что климат родных мест отличался высокой температурой, там даже снег являлся редкостью. А здесь всего-то поздняя осень, а уже холод собачий.

Ну когда же сердитая женщина соизволит сообщить Кветке о ее дальнейшей судьбе? Подумать только – письмо, пе-

реезд, академия... может оказаться дурным сном.

Ворота снова разъехались, и показался блестящий бампер очередной машины – темно-серой, матовой, как мокрые бока многоэтажек.

Кветка замерла.

Ее единственной способностью, основанной на магии, оказалось это – умение ощущать присутствие поблизости магов. Правда, она так и не смогла определять точный уровень их силы, провалив тесты в школе, но благодаря этому, скорее всего, все же оказалась в числе студенток.

Никогда она не хотела обучаться в академии, тем более магии. Тем более в большом городе. И уж меньше всего в обществе кварталов!

И нате вам – не хотела, так получите!

Многие из людей маму бы продали, чтобы попасть сюда и приблизиться по статусу к квартам, а Кветка проклинала зачатки своего дара, помешавшие ей жить в глуши, в тишине и покое.

Машина привычно газанула, как все они, вырываясь из-за стен академии на свободу и... резко захлебнулась, замерла.

Кветка сдержала желание посмотреть в сторону водителя и прижала руки к губам еще крепче, пряча лицо. Чемодан снова принялся крениться вбок, и она коленом вернула его на место, из-за всех сил делая вид, что ничего не происходит и вокруг никого нет.

Она не смогла (да никогда и не стремилась) научиться раз-

личать магов, их умения или созданные ими амулеты, но сейчас ее сердце затрепыхалось от чего-то нового – точнее, от нового страха.

Она не знала, кто в машине – не знала его возраст, пол, цвет волос и остальное, но она точно знала, что это чертовски сильный маг. И что этот маг – возможно, главный минус в столбике, что против обучения в академии.

Самые сильные всегда самые беспощадные.

Машина тихонько урчала, Кветка сгорбилась, глубже спрятавшись в воротник.

Почему маг тут стоит? Чего ждет? Чего хочет?

И почему она решила, что речь непременно о молодом маге? Там могла сидеть девушка или преподаватель, или сам декан. Кто угодно!

Однако просто повернуть голову и убедиться, что никого страшного поблизости нет, не получалось. Безопаснее почему-то было оставаться так, прячась в воротник, задерживая дыхание и смиренно пережидая опасность. Кветка всегда так делала – если не шевелиться и не сопротивляться, хищник пройдет мимо. Если он не голоден.

«Только бы он не был голоден!» – взмолилась Кветка.

Спустя бесконечные полминуты, показавшиеся часом, машина зарычала громче, аккуратно тронулась, проехала мимо и, набрав скорость, стрелой умчалась по улице.

Кветка выдохнула с невероятным облегчением.

И куда она суется? В клетку со львами?

Может, сбежать, пока не поздно?

Словно почувствовав слабинку, экран радостно засветился.

Женщина привычно сжала губы, но глаза выглядели добрей.

– Можете пройти. Вас внесли в дополнительный лист. Здание справа – главный корпус академии. Поднимитесь на верхний этаж, зеленая дверь.

Замок чугунной калитки с завитушками вверху щелкнул, открываясь, и Кветка смогла войти, волоча за собой непокорный чемодан. Огляделась – академический городок впечатлял, ничего не скажешь. Широкая круглая площадь с фонтаном, здания в чопорном классическом стиле. Парк, виднеющийся вдали. Аккуратный въезд на подземную парковку, стилизованный под садовую арку, обвитую плющом.

Слишком шикарно... чтобы допускать сюда кого попало.

Кветка порадовалась, что студентов вокруг нет – большинство разъехались отдыхать на выходные или просто ушли в город.

Дотасив чемодан до центрального здания, Кветка толкнула плечом дверь, затащила вещи в вестибюль, украдкой покосилась по сторонам и уже не смогла сдержать изумления. Круглый центр холла был выложен разноцветным полупрозрачным мрамором, имитирующим затемненную водную поверхность, толстые колонны, окружающие морское пятно, казались покрытыми мхом, а стены создавали видимость да-

лекого горизонта.

Даже тишина шумела так, как шумит ветер на морском берегу, где Кветке удалось побывать лет в десять. Тогда ее немало впечатлила неуправляемая масса, которую не способны приструнить даже кварталы. Тогда же она поняла одну вещь, которая сделала существование немного легче – даже когда и люди, и кварталы исчезнут с лица земли, море будет существовать. И скалы, и небо, и трава – хрупкая и одновременно бессмертная.

Где-то у лестницы раздался хлопок, и Кветка очнулась от прилипчивых воспоминаний. Вот еще дурная привычка, с которой следует как можно быстрее разобраться, – иногда она погружалась в какие-нибудь воспоминания или размышления, и надолго застревала в них так, что не дозовешься.

Медуза, которая барахтается на одном месте, потому что замечталась и забыла, где находится, – такую характеристику давали ее милые братья и сестры, которые не верили, что она действительно не слышит, когда ее зовут, а, наоборот, были уверены, что она игнорирует их сознательно.

Ладно, ненадолго отложим.

Кветка прикинула, стоит ли тащить чемодан с собой наверх и решила – нет, пусть тут стоит. Ее вещи тронут только ради шутки.

Дальше все шло ровно. Строгая женщина оказалась ничуть не более доброжелательной, чем на экране, зато маленького роста, поэтому выглядела почти безобидно. Она быст-

ро оттарабанила перечень того, чего Кветка должна сделать немедленно, черкнула тонюсенькими пальчиками записку коменданту общежития, приказала явиться завтра в восемь тридцать к кабинету номер 017, что в левом крыле первого этажа, и закончила инструктаж резким «Все, свободна!».

Кветка замялась. В голове кружили слова «комната, занятия, программа, стипендия, разумное поведение», и как это уложить в нечто удобоваримое она совершенно не представляла. Хотелось бы получить более подробные объяснения, но стоило только открыть рот, как женщина, представившаяся Артемьевой Зоей Андатовной, первым секретарем курса минималистов, то есть людей, задрала острый подбородок и нахохлилась, приготовившись возмущаться. Конечно, в таких условиях и думать забудешь, чего хотел, поэтому Кветка развернулась и молча побрела к лифту. Коридор казался неестественно пустым, информационные стенды грозно блестя защитным стеклом, непомерно разросшиеся зеленые растения в настенных горшках свешивались практически до пола. Эти островки зелени казались в окружении самым беззащитным звеном.

«Их, как и меня, завели для антуража», – непроизвольно подумала Кветка.

Ко времени, когда она дотащила чемодан к общежитию № 2, промокшие ноги замерзли так сильно, что застучали зубы, голодный желудок ругался, и вечно сопутствующее одиночество вдруг стало ощущаться куда острее.

Тут же никого знакомого. Не то чтобы наличие знакомых облегчает жизнь, но, по крайней мере, от них знаешь, чего ждать. А тут...

Ладно, чего пугать себя раньше времени.

Кветка, уже не раздумывая, бросила чемодан в вестибюле, огляделась, и в полутемном углу, задекорированном вездесущей пальмой в кадке, нашла дверь с гордой вывеской «Администрация». Дверь оказалась заперта на замок, стук в дверь ситуацию не изменил, ручка не поворачивалась, никакие записки с объяснениями в щелях не торчали, и было совершенно непонятно, что же делать дальше. Пришлось стоять на месте и ждать, а ждать у нее всегда получалось с натяжкой.

Медузы не способны терпеливо стоять на месте, они слишком примитивны, чтобы понять преимущество стратегии.

Мечтать – вот это пожалуйста! Но, витая в облаках, койко-место не получишь.

Наверняка, у коменданта есть сменщик или какой-нибудь помощник, и кто-нибудь из них наверняка в данный момент должен находиться в здании. И даже больше, скорее всего, они тут же и живут. Значит, надо просто выяснить номер комнаты коменданта, подняться туда и передать записку Зои Андасьевны. Только вот как выяснить?

Конечно, спросить.

Кветка нетерпеливо вздохнула и огляделась. В вестибюле,

отдалено напоминающем вестибюль академии, никого живо-го не было. Вдоль стен стояли скамейки со спинками. Пол, как и в главном здании, был выложен камнем с рисунком, похожим на водную рябь, и колонны присутствовали, и свет-лые стены, но, в общем, все это выглядело жалкой подделкой под произведение искусства. Жалкой и дешевой.

Кветка еще раз посмотрела на записку.

Выделить место... Общежитие № 2... Не № 1. Очень инте-ресно... Несмотря на чистоту, холл выглядел не ахти. Слож-но представить, что квартиры согласятся жить в подобном ме-сте. Обертка должна соответствовать содержанию, а кто из них добровольно согласится обернуться в... в это?

Значит, это общежитие предназначено для людей!

Сердце Кветки забилося чаще. Было бы чудесно, будь во-круг хотя бы по вечерам одни люди. Просто отлично!

Тем временем на широкой лестнице раздался гулкий то-пот, и в вестибюле появилось двое молодых людей. Кветка выпрямилась и на всякий случай опустила глаза, посматри-вая на их ноги. Форменные брюки и ботинки. Студенты но-сят форму, по крайней мере люди носят точно, в обязатель-ном порядке, об этом сообщила Зоя Андатовна, которой сам бог велел присвоить кличку Ондатра. Интересно, она угадала?

Парни увидели новенькую и не преминули подойти бли-же, чтобы рассмотреть ее получше.

– Новенькая? – спросил один.

В голосе не было насмешки или агрессии, поэтому Кветка подняла глаза, улыбнулась и в свою очередь устроила им осмотр.

Оба выглядели вполне обычно – здоровыми, спокойными, слегка хулиганистыми, в общем, не сказать, что терпят каждый день тяжесть общения с квартами.

– Да, только что приехала.

– Кот, – один из них протянул ей руку. Кветка помялась и, решившись, протянула свою. Рука у Кота оказалась крепкой, хватка уверенной и основательной.

– Толик, – второе рукопожатие было более быстрым и осторожным. – Чего тут застряла?

– Коменданта нет. – Кветка показала записку от Зои Андатьевны. – Не могу заселиться.

– А, ну это легко исправить. Пойдем, он в дежурной, это у нас с другой стороны.

На секунду в ней всколыхнулось подозрение, что сейчас ее заведут в темное место и бросят, а то и учудят какую-нибудь дурную шутку. Никого ведь вокруг, делай что хочешь.

Но они пошли вперед, не оглядываясь, да и не могли знать заранее о ее приезде, поэтому Кветка осторожно пошла следом.

Узкий, еле заметный коридор прямо за правой от входа фальшивой колонной вел в такой же крошечный закуток с двумя одинаковыми на вид дверьми. Кот подошел к правой и бесцеремонно заколотил по коричневому дерматину кула-

КОМ.

– Кто? – донесся приглушенный голос.

– Новенькую оформи, – заорал Кот, а Толик оперся возле него на стену и улыбнулся Кветке.

Она осторожно улыбнулась в ответ.

– Сейчас... Чаю не дадут спокойно выпить.

Через пару минут дверь распахнулась, и взору предстал невысокий и плотный, на вид очень довольный жизнью мужчина преклонных лет, за плечом которого виднелась приятная женщина в наспех накинутом халате со звездами на темно-синем фоне. Ее волосы были кое-как собраны и сколоты черной заколкой-бантом, а на щеках остались следы губной помады, которой вообще-то щеки не красят.

Кветка непроизвольно покраснела. Совершенно очевидно, эти двое только что были очень... слишком близки для обычного чаепития.

– Кого оформить? Тебя? – Комендант окинул Кветку быстрым, но от этого не менее пронизательным взглядом, и болезненно поморщился. – Еще одна...

– Что? – опешила Кветка.

– Нет, нет, ничего, – тут же отмахнулся он. – Не обращай внимания. Меня зовут Павел Никанорович, для тебя – дядя Паша.

Кветка опешила еще больше и смогла только кивнуть.

– Ладно, пошли.

Буквально через несколько минут, все еще не отошедшая

от напористой деятельности местных мужчин, Кветка очутилась посреди небольшой прихожей, возле крошечной кухоньки, за ее спиной Кот и Толик втаскивали чемодан, не позволив ей сделать это самостоятельно, потому что нечего тяжести таскать, а лифт не работает и, скорее всего, не заработает никогда. А если вдруг заработает, дядя Паша все одно его выключит, в целях безопасности, так сказать.

– А, понятно, – выдавила Кветка.

– Вот тут будешь жить, – решил пояснить дядя Паша.

Кветка обрадовалась наличию кухни, пусть и крошечной и, повернув голову, увидела не менее крошечную гостиную, состоящую из диванчика не более метра длинной, низкого столика и небольшой панели на стене. Тонкой перегородкой от гостиной были огорожены кровати. У перегородки стояла девушка в сером спортивном костюме и настороженно улыбалась.

– Привет, Синичка, – сказал Кот.

– Вечер добрый, – подхватил Толик.

Девушка молча кивнула.

– Синичкина Елизавета, – представил ее комендант. – Это Кветка, отчество запомнил. Будете вместе жить. Ну, Лизонька, ты ей расскажи, что у нас да как. А мне пора, – комендант вдруг засуетился, зачем-то попытался пригладить волосы на голове и резво попятился к выходу. – Если что... Знаете, в общем, где меня найти.

Молодые люди от него не отставали и вскоре скрылись.

И Кветка мгновенно осталась наедине со своей предполагаемой соседкой.

Обе молчали.

– Привет, – решила заговорить Кветка. Прозвучало неуверенно. Она вообще была неуверенной. Улыбалась неуверенно, ходила, задавала вопросы, с трудом решала, на что потратить свои небольшие карманные деньги и как жить дальше.

Одно точно – пусть она и боялась думать о собственном будущем, но понимала, что для спокойной жизни не помещает подружиться с соседкой, ведь если они смогут договориться, то и находиться в одной комнате будет куда комфортней.

– Выиграла приз в лотерею? – с иронией спросила Синичка.

– Что? Какую лот...

– Обучение в престижной академии уровня кварталов, – в голосе девчонки звучало столько понимания и иронии, что Кветка непроизвольно улыбнулась.

– Типа того.

– Ясно. Ну, располагайся. Левую кровать я заняла. Левый ящик стола тоже. Шкаф один на двоих, но места много. По крайней мере, моей одежды недостаточно, чтобы забить даже половину, – соседка деловито сновала по комнате, открывая дверцы и ящики. – Ты поздно приехала... Я уже думала, одна останусь, занятия начинаются уже завтра, а я торчу тут

почти неделю. Почему опоздала?

Несмотря на прямоту и настойчивость вопросов, ничего, кроме любопытства в Синичке не ощущалось. Никакого подвоха.

– Ехала издалека, поезда другого не было.

– Ясно. А издалека – это откуда?

– Еченск.

– Еченск? – Соседка подняла брови. – Это мне должно о чем-то сказать?

– Зауральская слобода.

– А-а-а, понятно. С махровой периферии то есть.

Кветка молча кивнула, ощущая непрошенный стыд за то, что росла в глубинке, хотя ее сознательного выбора тут не было и быть не могло.

– А я в Астольце выросла, – зло сообщила Синичка.

Астольц был одним из трех крупнейших городов, населенных квартами. По способностям маги мало чем друг от друга отличались, но все равно разделялись на общества. В Астольце проживала кварта контроля сознания, красиво обзывающая себя СОВами, в расшифровке «создателями альтернативного восприятия».

– Здорово, – из вежливости ответила Кветка.

Синичка молча и слегка удивленно, будто они только встретились, осмотрела Кветку. Потом улыбнулась, грустная и забавная, по-детски трогательная, благодаря тонкими хвостикам волос над ушами и бледной коже, и спросила:

– Знаешь мой главный человеческий недостаток?

– Нет, – вежливо ответила Кветка, ощущая желание переступить с ноги на ногу, потому что вопрос был хоть и чисто риторический, но очень строгий.

– Я умна. Для женщины это непростительно.

Кветка открыла рот, но не нашлась с ответом и промолчала. Соседка поставила ее в тупик. И еще раз, когда фыркнула и отмахнулась, как от чего-то несущественного.

– Ладно, прости. Ты, наверное, долго добиралась до академии и, судя по лицу, не особо счастлива от своего приза, а я тут тебя напрягаю.

– Да, я вообще-то...

– Ты голодная? – встрепенулась Синичка.

– Да.

– У меня нет еды. Есть чай, батон и варенье. Мама варит отличное варенье из диких абрикосов. Боюсь, это все, что я могу предложить.

– Это просто пир, – искренне обрадовалась Кветка. – У меня вообще ничего нет, так что ты меня просто спасешь!

– Тогда ставлю чайник, – Синичка метнулась на кухню, сунула огромный ядовито-желтый чайник в раковину и стала набирать в него воду. – В общем-то, с едой тут порядок. Студентов кормят бесплатно два раза в день, исключая выходные, праздники и каникулы.

– Правда? – обрадовалась Кветка, проблема питания которой вдруг так легко и безболезненно решилась.

– Пять дней в неделю два раза в день! С голоду не умрешь, даже если придется сидеть на чае все выходные.

– Я не знала. Если честно, я вообще ничего об академиях и обучении не знаю, поэтому рассказывай, что хочешь!

Синичка звякнула крышкой и поставила чайного монстра на плиту. Повернула выключатель.

– Может, так и лучше.

Кветка, все еще улыбаясь, кивнула головой, спрашивая, о чем та?

– Ничего не знать, – ответила Синичка. И на секунду подумалось, что неспроста у нее эти темные круги под глазами и уставшие, слегка горящие лихорадкой глаза. Всего на секунду...

– Ты о чем?

– Не обращай внимания! – Соседка взмахнула рукой и отвернулась к шкафчику, доставая хлеб и нож. – Просто поговорка есть такая: меньше знаешь – крепче спишь. А меня лучше вообще не слушать. Раздевайся и садись за стол. На сегодня забудем об академии и просто поболтаем. Согласна?

Это было лучше, чем Кветка могла ожидать. Мало того что всего одна соседка (квартиры, конечно, жили в отдельных комнатах, но простые студенты нет), так еще и такая замечательная!

Страхи отступили, убаюканные свежесваренным чаем и вареньем, подобного которому пробовать не доводилось.

Умяв полбатона, обе уже еле разлепляли глаза.

– Душ и спать, – зевая, сообщила Синичка.

– Тут есть душ? – С Кветки даже сон слетел, вот уж никак не ожидала подобного роскошества.

– Есть!

Душ оказался крошечным, всего лишь поддон, выложенный потрескавшейся от времени плиткой, распылитель, висящий на гвоздике и блеклая занавеска на крупных кольцах. Все это мостилось возле унитаза, почти вплотную приткнутого к стене.

Кветке показалось это практически чудом. Личный санузел. Вода, правда, оказалась холодноватой, но, возможно, дело только в сильной усталости и замерзших ногах.

Глава 2. Сила десерта

– Вставай.

За окном еще было совсем темно, когда Кветка продрала глаза.

– Разве уже пора?

– Мне нет, а тебе нужно успеть сходить за формой, в обычной одежде к занятиям не допускают. Нас, в смысле, людей.

– Даже сегодня? Но ведь я только приехала и...

– Никого не волнует, – Синичка, зевая, прикрыла рот рукой. – Без формы можешь даже носа не совать. А прогул засчитают.

– Понятно.

– Пойдешь к кастелянше, она выдаст форму, одевай как есть, постираешь потом. Потом на завтрак, дорогу я вчера тебе рисовала, план у тебя?

– Да, найду.

– Хорошо. Завтрака не бойся, никто из кварталов там не появляется, особенно по понедельникам. Вот на обед почти все попрутся. Значит, после завтрака иди в деканат, как тебе вчера сказали. И послушай... – Синичка ненадолго замялась. – При встрече за пределами этой комнаты мне нельзя с тобой общаться.

Кветка, которая как раз натягивала водолазку, замерла прямо так, со скомканной вокруг шеи одеждой. Неужели со-

седка передумала с ней дружить? Может, вчера Кветка что-нибудь сделала не так?

– Но это только пока! Понимаешь, мне нельзя...

– Нельзя что? – С удивлением Кветка обнаружила, что собственный голос звучит спокойно и отстранено.

– Дело в том, что я сюда приехала не одна.

– А с кем?

– Семья Пактокринских. Брат и сестра. Он на четвертом, она на первом. Меня сюда устроили, чтобы я им помогала, в основном сестре, потому что минималисты обучаются всего год, а для кварталов первый год самый сложный по количеству материала. Иначе меня прислали бы еще в прошлом году. Так что я не все решаю, – Синичка вскочила и выпрямилась, нервно приглаживая растрепанные волосы, делающие ее похожей на взъерошенную птичку.

– Разве ты не как я, по приглашению? Я думала, ты тоже не очень-то рада...

– Как будто кто меня спрашивал! – почти выплюнула соседка.

– Ясно. Ну ладно, а почему со мной нельзя общаться?

– Слушай, ты кварталов вообще живьем видела?

– Редко.

– А вместе с ними жила?

– Н-нет.

– Тогда объясню прямо, все равно сама рано или поздно поймешь. Я рядом с ними выросла. У тех, кто на них рабо-

тает, правило простое – или делаешь, как они говорят – или идешь искать другую работу. Моя мама у них работает много лет, а она меня растила без отца. Она считает, нам повезло, что когда-то ее взяли на работу с маленьким ребенком. Я привыкла делать так, как они хотят, потому что иначе пострадает мама, а она очень гордится своей репутацией хорошей служащей. – Синичка снова нахохлилась, опустив плечи.

– Так почему нельзя-то?

– Они сначала должны на тебя посмотреть и решить, что ты не станешь на меня дурно влиять.

– Я? Дурно?

Вот уж новости, так новости!

– Короче, так будет проще, – отрезала Синичка. – Он на тебя посмотрит, задаст пару вопросов – и причин запрещать мне с тобой общаться у него нет. Чистая формальность. Зато зудеть не будет потом.

– Он? – многозначительно уточнила Кветка.

– Он, – потухшим голосом подтвердила Синичка. – Его сестру сейчас интересуют только мальчики, поэтому ей точно до фени, с кем я общаюсь. Даже наоборот, это я должна за ней присматривать. Хотя, станет она меня слушать...

– Ладно, я поняла. Я не против. Не расстраивайся.

Кветка до конца натянула водолазку и прямо так, с голыми ногами, подошла к соседке. Положила ей руку на плечо.

– На самом деле, у меня тоже есть свой неприглядный

секрет. Скажу, если клянешься никому не рассказывать. А впрочем, чего там... все равно все узнают. Так что подумай, стоит ли со мной общаться, ведь однажды ты можешь опозориться за компанию.

Кветка наклонилась немного ближе и быстро сказала Синичке на ухо:

– На досуге я вышиваю нитками. Синих птиц, желтые цветы и белые-белые горы. Такая безвкусица...

Когда пять минут спустя Кветка выходила из комнаты, за спиной не оставалось ничего, кроме домашнего спокойствия и уюта, потому что Синичка снова улыбалась.

Учитывая, что в самой Кветке никогда особой радости не водилось, удивительно, как у нее получалось смягчать неловкие ситуации. Возможно, это вовсе и не моя заслуга, думала Кветка, прыгая по ступенькам общежития вниз. Ведь у медузы нет никаких заслуг и талантов – она вода, после смерти исчезающая, испаряющаяся на солнце без следа и без памяти.

* * *

Первая неделя обучения началась именно так, как и должна была.

– Так, так, успеваем. Быстрее!

Зоя Андатовна самолично привела Кветку в аудиторию на первое занятие, мало того что совместное, так еще и для

пятикурсников.

Так как программа для минималистов включала всего год обучения, большая их часть проходила совместно с другими курсами, и только некоторые проводились отдельно для людей.

Каждое утро пятикурсников посвящали в политические и экономические новости и составляли прогноз дальнейшего развития событий, а минималисты при всем при этом присутствовали.

Так значилось в расписании. Прочитав этот ужас, далекая от политики Кветка впала в транс и практически безропотно позволила довести себя до аудитории. Зоя Андатовна постучала в дверь и, втолкнув Кветку внутрь, быстро сказала:

– Извините, господин Тувэ, еще одна опоздавшая. Кветка Царелора, курс минималистов.

И тут же испарилась, не дождавшись ответа и бросив подопечную на произвол судьбы.

Преподавателем оказался относительно молодой человек лет тридцати пяти, подтянутый, строгий, окинувший Кветку такими умным взглядом, что лучше бы задал тысячу интимных вопросов. Но он ничего не спросил. Кивнул, как будто сделал свои собственные выводы, причем такие, что никогда не меняются, и обернулся к аудитории:

– Итак, у нас тут очередная студентка с милейшим именем.

И, обращаясь к Кветке:

– Первые два ряда предназначены для минималистов, занимайте место. Сидеть на соседних стульях запрещено. Идите.

Кветка уставилась в пол, покрытый мелкой каменной мозаикой, и увидела свои коленки. Юбка полученной темно-синей формы оказалась немного короче ее собственной, привычной, и это выбивало из колеи. Хотелось одернуть и юбку, и колючий пиджак, застегнутый на две круглых пуговицы, да и рубашка жала в груди, но лучше поскорее сесть на место, чтобы убраться с поля зрения квартов.

Ой, не стоило об этом думать!

Кветка почти зажмурившись от страха, сделала шаг вперед... и словно окунулась в другую атмосферу.

Вокруг скопилась сила магов, которая гудела и шипела, как брызги раскаленного металла, льющегося из раскаленной печи. Сколько же их тут, этих магов? Сила текла по воздуху, булькая и журча. Никогда прежде Кветка не чувствовала такого напора. Но вот... слева явно давление сильнее, значит, там находятся самые мощные.

Она не смогла остановиться, подняла глаза и посмотрела туда, на верхние ряды аудитории, откуда неконтролируемым потоком хлестала энергия. Конечно, ни малейшего намека на форму, которую минималисты носить обязаны.

Хотя на первый взгляд молодежь как молодежь.

Лощеные девушки, не менее красочные парни.

Сила разделяется на несколько частей, как кочки, торча-

щие из болота. Первая – девушка с волосами насыщенного рубинового цвета попеременно с черными прядями.

Еще немного...

Тонкий блондин в черном, но это не кочка... а вот рядом, всего немного правее – мощного телосложения молодой человек, бритый налысо.

Но и это не все. Еще немного – и она найдет главного.

– Девушка! – окрикнул господин Тувэ.

Кветка вздрогнула, опомнилась и снова уставилась в пол.

– Не задерживайте нас.

Мест в первых двух рядах было предостаточно, она быстро пошла к ближайшему и, уже садясь, увидела Синичку у левой стены. Та улыбнулась и приветственно кивнула.

Было довольно неудобно сидеть впереди, когда вся галерея за твоей спиной может рассматривать тебя сколько угодно и следить за любым твоим движением. И даже зная, что кварталы мало интересуются людьми, все равно – а вдруг!

Кветка достала из рюкзака планшет, стараясь сбросить скованность, возникшую при мысли, что за ней станут следить и обсуждать за глаза. Смеха или громких комментариев в ее сторону вроде бы не слышно. Сейчас главное помнить, что новенькие вызывают интерес подобный атомной вспышке – сильный, но короткий. Главное, не впасть в паранойю, наверняка каждому из минималистов кажется, что кто-то сверлит твою спину пристальным взглядом. Ну девушкам-минималисткам точно!

– За прошедшие выходные в мире не произошло ничего глобального, – заговорил преподаватель. – И это плохо. Нерешенным остается наш конфликт с Имфалией, которая уже две недели как перекрыла транзит газа на своей территории до принятия законопроекта о повышении платы за использования газопровода.

Кветка включила планшет, который, к счастью, оказался полностью заряжен. Планшет ей выдали этим утром вместе с формой, оказывается, рабочие планшеты должны быть у всякого студента, они являются имуществом университета и единственным предметом, который допускается к использованию на занятиях. Это и диктофон для записи лекций, это и тетрадь, для чего сбоку стилос в форме обыкновенной ручки, это и инструмент для получения заданий, ведения учета посещаемости и т. д. и т. п.

Только бы не было навороченного меню!

Кветка не особо разбиралась в технике. Компьютер дома, до которого ее допускали разве что по праздникам, телефон, который она купила себе на шестнадцатилетние, уроки информатики в школе да год работы в магазине на заказах товара. Всего этого могло не хватить, ведь интерфейс планшета наверняка рассчитан на кварталов, которые ориентируются в новинках уже с рождения.

К счастью, первоначальное меню оказалось простым. Посреди матового экрана располагались стилизованные значки с подписями: Тетрадь, Запись, какая-то Форточка, Кален-

дарь, Калькулятор, Сумка, Библиотека и Работа.

– Итак. Главная новость – ожидание результата голосований по новым тарифам. Кто-нибудь хочет дать прогноз тому, чем оно закончится?

Кветка покосилась по сторонам. Слева от нее через три стула сидел молодой человек, форма которого сильно натягивалась на плечах и, видимо, давила на горло. Справа, тоже через три – девушка плотного телосложения с искусственно осветленными волосами. Минималисты вели себя тихо, потому что сложно незаметно переговариваться с соседом, который сидит от тебя на расстоянии нескольких метров. А вот более свободные в выборе мест квартиры позади шумели, о чем-то болтали, то и дело раздавались приглушенные смешки. На вопрос преподавателя никто не ответил.

– Прекрасно, – кисло заявил тот. – Ни одного человека, заинтересованного красотой большой политики. Ни одной перспективной личности.

Кветка нажала значок диктофона. Ага, тут все элементарно: пуск, пауза, стоп, прослушать.

И уж меньше всего она сейчас переживала насчет отсутствия у себя интереса к «красоте большой политики». Выдумал же... Зачем оно ей? Квартам еще объяснимо, зачем, по крайней мере, большинство из них будут иметь к этому какое-никакое отношение. У нее же такая возможность напроць отсутствовала изначально, впрочем, как и желание.

А преподаватель, похоже, из тех, кто верит, что обреме-

нен интеллектуальным хобби, и снисходительно относится ко всем, кто им не обладает. На такого даже нервы тратить бессмысленно.

Значок «Тетрадь». На планшете раскрылась обычная тетрадь, в линейчку. Настроек в углу тьма тьмушая, но пока лучше не трогать, разбираться времени нет.

– Раз уж вы не снисходите до попытки ориентироваться в большом мире самостоятельно, попробуем разобраться вместе в принудительном порядке. Открываем тетради и начинаем конспектировать лекцию. Тема: «Обзор состояния мировой экономики за 16–19 сентября нынешнего года. Прогноз развития на ближайшую неделю».

Кветка достала стилос и повертела в пальцах. Не очень удобный, слишком тонкий, но, с другой стороны, выбора ей вроде бы не предлагали.

Тем временем дверь в аудиторию тихо растворилась. Преподаватель замолчал и обернулся к выходу, где нарисовался высокий мужчина, негармонично круглый в поясе, отчего его светло-серый костюм казался натянутым на раздутый шарик, и молодой человек в брюках и свитере, который улыбался с таким азартным предвкушением, будто вот-вот увидит чужую драку.

– Господин Ламс, – официально произнес преподаватель.

– Господин Тувэ, – кивнул вошедший. Молодой человек непринужденно перевел взгляд на аудиторию, причем начал осмотр с минималистов. Когда его взгляд добрал до Кветки,

она привычно отвела глаза.

– Новый студент. Я привел его лично, чтобы не возникло недоразумений, – пришедший человек в костюме вскинул голову и строго нахмурился. Осмотрел студентов, в отличие от спутника, сосредотачивая внимание только на квартках.

– Гонсалес Турба.

Кварты вдруг зашумели, причем тоже местами, будто половину это имя жутко возмутило, а второй половине оно было абсолютно до лампочки.

– Господин Ламс, на минутку, – преподаватель и пришедший важно переглянулись и удалились в коридор, плотно прикрыв за собой дверь.

Кварты шумели все громче и вдруг словно взорвались:

– Какого хрена сюда пустили одного из Турбов?

– Да! Мы не хотим сидеть рядом с ним!

– Пусть его суют к братцу в колонию! Пусть они там устраивают свое равенство!

– Красномордые и краснозадые павианы семейки Турбы покажут номер! Ап! Ап! – издевательски гудел чей-то зычный бас.

Кветка, как и остальные минималисты, смотрела во все глаза. Лицо светловолосого новичка багровело, подтверждая, что прозвучавшее оскорбление придумано не на пустом месте.

– А кто это у нас так много умных слов знает? – вдруг крикнул парень в сторону кварталов. – Это белобрысый Ша-

тай из семейки ассенизаторов, содержателей сортиров? Даже элитный сортир предназначен для говна. Это не от него такая вонь в аудитории?

– Ах ты, сука!

Здоровый белобрысый парень, одна из кочек, подскочил, вены на его шее зрелищно вздувались, а кулаки сложились в небольшие кувалды.

– Давай, давай, подходи.

Вокруг громко галдели, причем только кварталы. Кветка обвела глазами минималистов и поняла, что они тоже удивлены происходящим. Что бы тут ни творилось, оно касалось только кварталов.

– Щас я тебе зубы в глотку вобью, – белобрысый метнулся к кафедре. На Кветку пахнуло силой – он был сильный магом, одним из четырех сидящих в аудитории главарей, как, между прочим, и пришелец. Пришелец получался пятый по счету, но тоже не самым сильным.

Вдруг что-то гроыхнуло, будто за спиной тяжелый стул с силой ударился об паркет.

– Стоять!

И вроде человек не орал, но кварталы внезапно замолчали, только белобрысый по инерции шел вперед и новичок по-прежнему скалил зубы, переливаясь оттенками красного.

– Заткнулись все. Шатай, я бы на твоём месте остановился.

Шатай действительно остановился. Кветка съежилась, изо

всех сил стараясь не шевелиться, а уж тем более не оглядываться.

О, они опасались этого голоса не зря. Всего раз услышав таившееся в нем ожидание, флер агрессии, готовой найти повод и выплеснуться, можно легко понять – отдавший приказ будет очень рад, если его не послушают.

– Шатай, ты хочешь спустить взведенный Турбой курок? Не будь таким предсказуемым, – ввинчивался в уши неумолимый голос, отчего по спине поползли мурашки.

Белобрысый развернулся, некоторое время его ноздри еще раздувались, но потом он вдруг хмыкнул и спокойно потопал к своему месту.

– Заметано, Алехо. Незачем делать ему лишнюю рекламу. Все снова загомонили, но легким, обыденным гомоном.

Как по мановению волшебной палочки, в тот же миг вернулся преподаватель, оглядел притихшую аудиторию слишком умными глазами. Всего секунда, но казалось, он увидел все, что тут происходило в его отсутствие.

– По местам, – отрывисто приказал господин Тувэ, медленно направляясь к кафедре.

Новичок, тем временем растерявший всю боевую окраску, расправил плечи и нарочито спокойно поднялся вверх.

– Продолжаем. Итак, первый вопрос – квоты и налоги на транспортировку газа через Имфалию. Кто-нибудь может ответить, сколько составлял прошлый налог?.. Нет? Почему я не удивлен? Итак, записываем, общий налог составлял...

Все старательно заскрипели стилосами.

Кветка тоже стала писать, тщательно выводя круглые буквы.

Но ей не давал покоя этот голос. Не давал покоя этот маг.

И она решилась. Очень осторожно подняла голову и повернула, утыкаясь носом в плечо, а заодно за него прячась. Еще немного, еще... кварталы тоже пишут или просто делают вид. Вот девушка с рубиновыми волосами. Пара простых магов. А вот рядом выше – третий, одетый в целый ансамбль, включающий шарфик, перстни и серьгу в ухе. Дальше... Белобрысый Шатай. А вот...

Кветка затаила дыхание.

Он сидел выше белобрысого, в одиночестве. Что-то черкал в планшете, резкими движениями, явно не записывал лекцию. Одет был довольно просто, даже небрежно, в стандартный для студентов кварталов темный свитер. Коротко стрижен, так что на фоне стены из темного полированного дерева четко выделялись виски и скулы.

А потом он слегка нахмурился, как будто что-то почувствовал и повернулся в ее сторону.

Кветка никогда еще так быстро не отводила взгляд.

Она так испугалась этого быстрого и острого ответа на свое любопытство, что даже звуки исчезли, а преподаватель открывал рот, как рыба, не произнося ни звука.

Итак, вот она – последняя, пятая сила. И, судя по взгляду, совершенно бездушная.

Обед пролетел незаметно и главное – без происшествий.

Кветка пошла за остальными минималистами, следя, чтобы спина Синички, бредущей по коридорам на пару с еще одной девушкой, находилась в поле видимости, и таким образом без труда вышла к столовой.

Очереди не было, квартов, правда, все пропускали вперед, но все равно, только Кветка взяла поднос, как почти сразу оказалось, что она стоит в конце подачи с едой, а куда идти, не знает. К счастью, Синичка закатила к потолку глаза и махнула рукой, разрешая подойти.

– Садись.

Этот угол столовой, выкрашенный зеленой краской, был заполнен только минималистами. За столом с Синичкой сидела пухлая блондинка, соседка Кветки по первой лекции.

– Майя, – голосок у нее оказался таким тоненьким, будто вот-вот разорвется.

– Кветка.

– Я знаю, я староста минималов, – ответила девушка, отщипывая кусок сладкой булки, которой она заедала первое.

Кветка пожала плечами и принялась за обед. Суп оказался прямо как в ресторане, ну, по крайней мере, как Кветка себе представляла пищу, подаваемую в ресторанах. Жутко вкусно, да еще и плавают крошечные сухарики, которые придают

дополнительную прелесть.

– Здесь хорошо кормят, – удивилась она. Помнится, в школе их кормили в основном кашей, вареной картошкой и чем-то белесым, называемым «котлета». А супы выглядели как вода с мелко перемолотыми нечищеными овощами. В общем, небо и земля.

– Конечно, тут же кварталы питаются. Мы так, сбоку припека – проще и нас тем же самым кормить, чем отдельно на нас готовить.

Кветка впервые обрадовалась, что поблизости кварталы, потому что когда еще ее будут так сытно и вкусно кормить, причем забесплатно?

– Тебе уже можно со мной водиться? – поинтересовалась она примерно через минуту, отодвигая в сторону пустую тарелку. Утром позавтракать Кветка не успела, потому что разбирала с кастеляншей вещи в поисках своего размера, и порция супа, который тут подавали не в тарелках, а в пиалах, расплылась по желудку как божья благодать.

Майя вскинула глаза, и Кветка запоздало задумалась, стоило ли спрашивать вслух. Не выдала ли она ненароком чужой секрет?

– Она о ком? – тут же тонко-тонко, но навязчиво поинтересовалась староста, которая похоже считала своей перво-статейной обязанностью знать все и обо всех.

– Про Косту, он же запретил мне общаться с кем-то без его разрешения.

– И с девушками? – изумилась Майя. Ее голубые глаза казались большими и невинными, а пальцы снова терзали булку.

– Да.

– Почему? – задала староста вопрос, который не рискнула задать Кветка. И правда, почему?

– Откуда мне знать, что взбредает в голову Косты? – мрачно ответила Синичка и опустила голову, старательно вылавливая из жидкости сухарики и зелень.

Разговор как-то застопорился. Староста доела булку и принялась за вторую.

– Коста... Он очень сильно на тебя давит, да? – спросила Кветка, пережидая, пока в животе уложится первое, и можно будет дегустировать второе, на вид тоже очень заманчивое.

Синичка снова подняла задумчивые глаза.

– Не очень. Привыкнуть можно.

– Но все равно, это так любопытно, почему он так навязчиво лезет в твою жизнь, – тонко зудела Майя, не собираясь бросать тему.

Кветка потянулась, придвинула ближе второе – рис с кусочками какого-то мяса и овощей.

– Может, ты просто не хочешь говорить? Но я же староста, мне можно рассказать обо всем. Вместе всегда проще найти выход, меня же не зря избрали. Если ты все рас...

И тут Кветка попробовала второе.

– Бог мой! – с набитым ртом воскликнула она, причем так

громко, что даже соседи обернулись. Потом быстро прожевала и добавила:

– Какая вкуснотища!

Майя поморщилась:

– Хоть бы вид сделала, что не из дикого леса.

– Что это? – не унималась Кветка, восторженно поглаживая рисовую массу вилкой. – Просто потрясно!

– Это блюдо называется хаторчи, рис с мясом и специями, – Лиза сохраняла серьезный вид, но ее губы дрожали от смеха. Про оставшийся без ответа вопрос все почему-то забыли.

– Никогда не пробовала ничего вкусней! – решительно подвела итог Кветка и с аппетитом продолжила поглощать хаторчи.

Майя сидела с прямой спиной, пылая негодованием, а булку щипала такими кусками, будто птичка клевала.

– Отпад! Очередная деревенщина вкусила жизни, – прокомментировали из-за спины.

Кветка оглянулась раньше, чем успела себя остановить. Между столами, занятыми минималистами в углу и центром зала, занятым квартами, располагался широкий проход, а сразу за ним, за столом, хорошо просматриваемым со всех сторон, восседали три дивы. Главная была чудо как хороша, пусть маг из нее и не ахти – пепельные волосы, синие глаза, только кривая усмешка сильно портила вид. Перед ней стоял салат и сок, видимо, дива тщательно блюла фигуру.

Еще бы, когда имеешь доступ к еде в любое время и в любом количестве, этот вопрос встает куда острее, чем когда твое питание зависит от случайности и доброты человеческой.

Этих девушек Кветка еще не видела, значит, они не с пятого. Те кварталы, что с пятого, почти в полном составе сидели неподалеку, видимо, в столовой сохранялось негласное деление мест. Там виднелись бугры-плечи Шатая и равнодушного вида девушка с пурпурными волосами, там же модник с намотанным на шею лимонного цвета галстуком и... Не стоило даже смотреть.

– Лучше бы сидела дальше в своей тараканьей дыре, чем на люди выползать, – высокомерно смотря прямо на Кветку, добавила синеокая дива и все кварталы, конечно, дружно зафыркали. А вот среди минималистов смешков почти не слышалось.

Кветка послушно опустила глаза, отвернулась и продолжила смаковать неизвестное блюдо.

Майя выдержала еще минуты две и ретировалась с их стола вместе с недоеденным обедом, будто спасалась от пожара. Ее бегства никто не заметил.

Кветка в очередной раз ахнула, восхваляя божественный вкус и жалея, что еда катастрофически быстро заканчивается, и только тогда задумалась, что в принципе ей с Лизой пока водиться не разрешали, а она может все испортить. Бывало так уже – вроде ничего не сделала, но окружающие жутко

сердились, орали и наказывали.

Она чуть не положила вилку. Посмотрела – Лиза сидела на месте, ничуть не смущаясь, подперев щеку рукой и улыбалась.

– Помереть не встать, – задумчиво протянула Синичка. – Ты даже аппетит не потеряла, жуешь себе и в ус не дуешь.

– А надо? – убедившись, что Лиза не сбежала в панике вслед за старостой и, похоже, не собирается этого делать, Кветка принялась собирать на тарелке в кучку остатки чудесного блюда.

– Не помню, когда видела еще кого-то, чтобы насмешки как с гуся вода.

Кветка пожала плечами.

– Но ведь и правда вкусно.

Стоило ли портить наслаждение редким вкусом? По мнению Кветки, ничуть не стоило.

Лиза хмыкнула:

– А в пятницу на десерт давали пирожное.

Кветкина рука замерла на полпути ко рту.

– Шоколадное? – встревожилась она.

– Не-а, белый крем и миндальные лепестки.

– Тогда, – Кветка сунула в рот последний кусок, прожевала и улыбнулась крайне серьезно. – Есть причина дожить до следующей пятницы.

После обеда наступали занятия исключительно для людей. Синичка, уже не скрываясь, взяла Кветку с собой и довела до небольшой комнаты где-то на задворках первого этажа. Там даже стены были простыми, безо всяких украшений и лампы светили одинаковыми белыми шарами, а не вычурными лилиями или морскими драконами.

Прогудел звонок, похожий на предсмертный крик кашалота, по крайней мере, Кветка по телевизору слышала нечто подобное.

Предмет назывался «Теоретические и практические совместные занятия». Короче, масло масляное. Преподавателем оказалась очень шустрая и очень-очень беспокойная женщина средних размеров, в костюме из толстой ткани не очень красивого зелено-коричневого цвета. Всем своим видом она будто говорила: люди второй сорт, они безвкусные, забитые и скучные. Звали женщину просто – Маргарита Васильевна.

– Добрый день, особенно тем, кто у нас впервые, – быстро улыбнулась она, выходя в центр комнаты, прямо перед столами. – Сегодня каждый из вас получит первоначальный план дальнейших занятий. В общем, все просто – когда кварталы нуждаются в практике, мы будем им помогать. Такое, сразу скажу, случается довольно редко, в основном в течение сдачи экзаменов или после зачета важных тем. В другое вре-

мя каждый из вас будет заниматься тем делом, которое выберет сам. Выбор вариантов может и невелик, но все они полезны для будущего. Итак, к завтрашнему дню вы должны выбрать один основной предмет и второй можете посещать дополнительно по желанию. Теперь перечень профессий. Бухгалтерия, тут всем понятно, дает возможность вести дела небольшой фирмы или семьи кварталов, рекомендуется людям с хорошими аналитическими способностями. Стюли-парикмахер, название говорит само за себя. Рекомендуется людям с хорошим вкусом и хорошим цветовым восприятием. Следующая – интерьер и ландшафтный дизайн, также для людей с фантазией и вкусом. Архитектура малых объектов, так как на изучение больших уходит более года, этим, как вы сами понимаете, занимаются отдельные специализированные учебные заведения. Еще одно довольно интересное направление для людей с большим сердцем – животноводство. И последнее, самое легкое и приятное – кулинария. Итак, подумайте, почитайте, посоветуйтесь с родственниками и завтра сообщите мне результат. А чтобы вы могли решать с открытыми глазами, рассмотрим все предметы подробнее.

И они правда рассмотрели, Кветке и в голову не приходило, что можно за два часа вывалить на чью-либо голову такое количество информации.

Маргарита Васильевна тарахтела, как пулемет, и снаряды ее никак не заканчивались. К счастью, она не требовала ни-

чего записывать, а сбросила текст лекции на планшет по сети.

Так Кветка узнала, что существует академическая сеть.

И сразу заподозрила, что правильно расшифровала вопрос, произнесенный Синичкой одними губами, – здесь они хоть и сидели ближе друг к другу, чем прежде, но все равно через место, тем более преподавательница требовала к себе безраздельного внимания. Кветке показалось, что Синичка спросила: какой у тебя номер? Но вопрос остался без ответа, потому что было непонятно, о чем она. Номер чего? Комнаты? Так Синичке он известен, она же тоже там проживает. Телефона? Они еще вчера обменялись. Номер... хм, то есть размер груди? Вряд ли бы она стала об этом спрашивать...

Кветка в ответ просто пожала плечами. Синичка закатила глаза и махнула рукой, отпуская с миром. Мол, потом разберемся.

И правда, когда преподавательница выдала все, что собиралась и отпустила группу домой, Синичка сразу рассказала, что в планшете есть возможность переписываться сообщениями, так называемая Форточка.

– А как я узнаю свой номер? – задумалась Кветка.

– Дома покажу, как им пользоваться.

По дороге они еще застряли у фонтана, потому что Кветка, наконец, разглядела эту чудную конструкцию и не смогла взять и просто отойти. Лиза тихо рассмеялась, но не стала мешать.

Хотя по низу фонтана, выложенному зелено-синей крошечной плиткой, текла вода, центр над водой представлял собой вылитых из бронзы детей. Мальчишка пинал мяч, девочка по его правую руку срывала растущий у ее пушистой бронзовой юбки цветок, открыв от восторга рот так же широко, как и сама Кветка. Двое мальчишек постарше хмурились и спорили, сунув руки в карманы. Между ними валялась дохлая кошка. Еще одна девочка, выпятив губу, тянула с распущенных волос бант.

– Они как живые, – мрачно сообщила Кветка.

– Ага. Я тоже вначале долго рассматривала. А он еще музыку играет, по воскресеньям в полдень.

– Музыку?!

– Пойдем, – Синичка рассмеялась. – Скоро кварталы пойдут. Не стоит мельтешить у них перед глазами.

Только тогда Кветка опомнилась. И правда, сегодня она и так слишком часто попадалась всем подряд на глаза.

Они вернулись в комнату и сразу поставили греться чайник. Синичка смогла соорудить из жареного батона и варенья настоящий пир, и они с планшетами и чашками уселись за стол. Примерно через полчаса Кветка научилась переписываться по Форточке и поняла, насколько это удобная штука.

– На занятиях нельзя болтать, зато никто не мешает переписываться, – Синичка снова заплела волосы в девчачьи косички и сидела теперь на стуле с ногами, такая смешная и

крошечная, что хотелось покормить ее с руки.

Вечер они посвятили разбору вещей и раскладыванию их по местам. Свободного места в шкафу еще осталась целая куча.

И еще они выяснили, что в денежном отношении друг другу равны, то есть рассчитывать могут только на стипендию.

– Родители мне давно уже денег не дают, – призналась Кветка. – Лет с одиннадцати, только платят за работу и очень редко дарят немного по праздникам.

– Мне тоже халява не светит.

– А тебе почему?

Впервые за вечер Синичка перестала улыбаться.

– Коста решает, на что и когда можно мне дать наличку. А он считает, мне наличные деньги не нужны.

Кветка умудрилась промолчать. Не ее дело, да и к лучшему рассчитывать на саму себя. Зачем лишний раз расстраиваться, когда планы проваливаются, что неизбежно происходит, когда в раскладе участвует больше одного человека?

– Ладненько, – бодро сказала она после подсчета и распределения общей наличности, которой предположительно хватит на чай, сахар, хлеб и джем или дешевое масло. – Все равно плотный ужин фигуре противопоказан. Осталось только разобраться с питанием по выходным. Ты не знаешь, работать нам в принципе разрешено?

Синичка кивнула и вздохнула не очень весело.

– На самом деле работу минималистам найти легче легкого. Это называется «помощь по хозяйству», а по сути придется работать уборщицей. Квартам запрещено приводить на территорию академии посторонних людей, а кто из них захочет сам возиться по хозяйству? Поэтому они нанимают нас. Существует даже комитет по трудоустройству, заключающий договора. Но чаще студенты сами между собой договариваются, чтобы не платить проценты университету.

– Ясно. Лучше, чем ничего.

– Ну так да, конечно. Ладно, все завтра... Ты решила, какую профессию выберешь?

– Ага. Ландшафтный дизайн.

– Да? – Синичка, кажется, удивилась. – Почему? Вряд ли на них большой спрос.

– Знаешь, какая у меня мечта? Хочу свой сад и огромную цветочную клумбу. Не будешь смеяться?

Кветка привыкла, что ее мечты выставляют ее душой. Нет, чтобы хотеть закомутать мужика побогаче, ничего не делать, а только посещать салоны, магазины да вечеринки, лето проводить на берегу океана и рассекать по дорогам на последней модели автомобиля. Вот о чем надо мечтать! Но Кветка же медуза, а медузе – медузья жизнь.

– Нет, не буду, – Синичка покачала головой и действительно смеяться не стала. – А я знаешь, чего хочу?

– Не-а.

– Самостоятельности... Негласно подразумевается, что

когда-нибудь я займу место мамы, поэтому выбрать придется бухгалтерию. Только они не знают, что я не собираюсь возвращаться туда... в семью Косты. Хочу найти работу на стороне и жить одна, как хочется.

Кветка снова не стала спрашивать подробности. Не настолько они близки.

Спать лечь планировалось в десять часов. Минут за сорок до этого раздался стук в дверь.

Вошедший молодой человек явно чувствовал себя здесь так же вольготно, как дома. Он дождался, пока Синичка широко распахнула дверь и отошла, освобождая дорогу, и только тогда изволил ступить в комнату. Его осеннее светлое пальто было распахнуто, черные ботинки начищены до блеска, а прическа такой ровной, будто он явился прямиком из салона. Конечно, Кветка сразу поняла, кто это такой. Наверняка, бесподобный Коста. Красивый, как большинство кварталов, блондин, что добавляло его внешности еще больше холода. А вот магом он был средним, но его это мало волновало. Не тщеславен.

– Это твоя соседка? – Гость, а вернее важный посетитель подошел ближе, смотря на нее сверху вниз. Кветка сидела на диване, расчесывая после душа мокрые волосы и радовалась, что еще не переделалась на ночь в свою пижаму с синими васильками, которая вряд ли годится для приема гостей.

После дня, когда его имя всплывало в связи с не самыми приятными вопросами, ей хотелось сказать что-нибудь на-

смешливое или обидное, но за его спиной Синичка взволнованно прикусила губу, и Кветка как могла улыбнулась – или, скорее, доброжелательно растянула губы, приняв вид дебила.

Коста повернулся к Лизе и удивленно приподнял брови.

– Да, это моя соседка. Кветка. Крайне чистоплотная, высокоморальная и целеустремленная девушка. В ее планах учеба на отлично и обретение безупречной репутации, необходимой для устройства на работу в семью кварталов из самых уважаемых домов.

Кветка расширила глаза, но быстро опомнилась, когда Коста кивнул и снова повернулся к ней.

– Хорошо... – проговорил он. – Значит, ты не пьешь?

– Ну что вы, конечно нет! – как можно праведнее возмутилась Кветка, затолкав поглубже память о густом вине, которое иногда удавалось стащить из шкафа приемных братьев. Она отливала немного, всего полстакана и разбавляла водой, но летние вечера с вином и ягодами где-нибудь глубоко в саду были на ее памяти самыми лучшими.

– По мужикам не шляешься? – как-то рассеянно спросил он.

Лиза на заднем плане побледнела и принялась делать какие-то резкие движения, будто кому-то быстро и часто перерезала горло.

– Ни в жизнь! – твердо ответила Кветка, с трудом отводя от соседки взгляд.

– Ладно, – он еще немного помялся, но, видимо, больше ничего его не заинтересовало, и, развернувшись к Синичке, Коста снова преобразился в докучливого ледышку и снисходительно произнес. – С ней можешь общаться. По крайней мере, пока... Так, еще что? А, я принес ноутбук, Мальке придется сдавать множество работ, а ты сама знаешь, без тебя она не справится.

Гость расстегнул свою квадратную, светлую, в тон пальто, сумку, вытащил тоненький ноутбук, провода и крошечную мышь, собственноручно все соединил, в процессе дав уйму важных указаний по уходу и эксплуатации, а потом прямо так, на стуле, замер, о чем-то задумавшись. Раздеться он не изволил, и казалось, он жутко куда-то спешит, но никак не может заставить себя встать и уйти.

Лиза мялась рядом и, судя по всему, ни в какую не желала с ним заговаривать. Кветка вообще обратила внимание, что Синичка за его спиной часто кривляется, но в поле его зрения сразу превращается в такую же ледяную статую, как он сам, разве что розовеющие щеки и насыщенные русые волосы немного ее оживляли. Видимо, так горделиво принято выглядеть в семье этих самых Пактокринских. М-да, мрачная семейка.

– Хотите чаю? – во весь голос выпалила Кветка, отчего Коста вздрогнул и, с изумлением оглядевшись, встал.

– Нет, спасибо, я сейчас ужинаю с... с подругой.

Лиза за его спиной так резко отвернулась, что Кветка не

разглядела ее лица.

– Приятного вечера, – машинально произнесла Кветка, хотя ей фиолетово было, как именно он его проведет. Одно ясно – хорошо бы он отсюда быстрее убрался, потому что Лизе от его присутствия становится не по себе.

– Спасибо, – так же машинально ответил Коста, снова осмотрелся, наткнулся взглядом на прямую спину Синички и только тогда опомнился.

– Да, мне пора. – Молния сумки вжикнула, закрываясь. – Малька просила тебя зайти завтра. Да, ноут с интернетом, я буду его оплачивать сам, – добавил уже с порога.

Лиза со зверской миной захлопнула за ним дверь и молча стояла, не оборачиваясь. Тишина накалялась, звенела, проскакивая между ними искрами.

– Я не посрамила чести и достойна водиться с Синичкиной Елизаветой? – наконец выдавила Кветка, с трудом решаясь нарушить гнетущую тишину. Коста держал эту птичку в руках, но по какой причине? И почему не отпускал?

Одно сомнений не вызывало – она задыхалась от его хватки.

– Нет, что ты, ты молодчина! – затараторила Синичка, наконец-то оборачиваясь. – Прости.

– Тебя? За что? Лиз, скажи правду... почему ты терпишь?

Соседка задрала подбородок, яростно вытерла глаза рукавом и сказала:

– Меньше года. Я буду терпеть еще меньше года, а потом

пошлю их ко всем чертям. Мне нужен этот курс, иначе я не смогу... мне будет не на что жить.

– А они отпустят?

– А зачем им тратить влияние на такую, как я? Нас бесчисленное количество. Конечно, отпустят.

– Ладно, – взгляд Кветки попрыгал по комнате и наткнулся на круг спасения – блестящий ноутбук. Вот свезло, так свезло! – Так... получается, теперь у нас есть интернет?

– Получается, есть.

– И мы можем узнать все, что захотим?

Синичка слабо улыбнулась и многозначительно закатила глаза.

– Можем. Только одно но. Я Косту с детства знаю, как облупленного – он не приносит подарки просто так, у него что ни подарок, то троянский конь.

– Это такие громоздкие и бесполезные штуковины?

– Хуже. Наверняка что-то нахимичил, и будет видеть список всех запросов, которые мы вводили и просматривали.

Кветке пришлось задуматься.

– У, как все интересно. Ладно, спать пора. А завтра... завтра мы решим, как пройти мимо троянского коня.

Глава 3. Детские города

Всю ночь шел дождь.

Наутро дорожки оказались залиты водой. Кветка с Лизой передвигались в сторону столовой, прыгая по лужам как ошпаренные. Благо, вместе со школьной формой им выдали обувь, туфли для академии и уличные ботинки – невысокие, но непромокаемые, что достоверно было установлено после целой серии опытов.

– Смотри! – Кветка вдруг затормозила и уселась на корточки возле очередной лужи.

– Чего там? – завертела головой Лиза, но не увидела ничего достойного внимания, вода как вода. Мокрая и холодная.

– Я дома иногда подрабатывала няней, – Кветка нагнулась ниже, туда, где дорожка к столовой перекрещивалась с дорогой к центральному входу и в выемке по недосмотру плохо подстриженной травы образовалось целое дождевое озеро. – Сидела с маленькими детьми. И когда дети попадают на улицу после дождя, знаешь, что они делают первым делом?

– Нет, – Лиза подобрала полы плаща и присела рядом. – И что они делают?

– Они смотрят в самую глубокую лужу и видят там целые миры.

– Что видят? – Лиза удивилась, но послушно уставилась в лужу.

– Смотри, – с неприкрытым удовольствием прошептала Кветка.

Лиза наклонила голову еще ниже.

Лужа как лужа, прозрачная. Остатки дождевой мороси волнуют поверхность, но внутри... внутри неторопливо плавают трава, и между травяными зарослями – крошечное птичье перо, под которыми – корни, как оживший диковинный лес в миниатюре, и все шевелится, придавая всему подземному миру реальность. Тут и высоченная башня из бетонного бордюра, и дремучий травяной лес, и горы из камней, в норах которых водятся драконы – вон, мелькнул чей-то узкий хвост. Тут все настоящее, сказочное, живое.

На дне под травой блеснула монетка. Поразительно!

– Сокровище, – с благоговением сообщила Кветка, они с соседкой понятливо переглянулись, замороженные одним и тем же детским волшебством.

– Просто отлично! И в этом году они набрали недоразвитых.

Голос за спиной был полон скуки и всезнания.

Кветка вскочила, неуклюже оборачиваясь, и уткнулась в глаза мага, которого уже заранее боялась больше всех остальных. Вблизи он оказывал такое же влияние, как оказывает удав на кролика, предназначенного на обед.

Он был какой-то неправильный кварт. Совсем без лоска, не смазливый, не обладающий красотой и стилем, но при этом с обычным человеком его ни за что не перепутаешь.

Он был неухоженный, дикий, не дающий шанса подобраться близко. Потерянный? Потерявшийся?

Но сильнее всего ее поразил не его взгляд. Не застывшая усмешка, ни расстегнутая куртка, сидевшая так, будто шили прямо на нем, ни злые слова. Больше всего ее поразил еле заметный след на его щеке – след от подушки. Такое явное доказательство человечности жутко сбивало с толку. Неужели он... что он? Неужели он спит, как все люди? Конечно, спит. Неужели и кожа у него человеческая? Конечно, это и так понятно.

Она открыла рот и не смогла ничего сказать. Лиза стояла рядом, ощущаясь как нечто мягкое и теплое, но такое же слабое и легко разрушимое.

Молодой человек задумчиво рассматривал их, к счастью, по очереди, иногда переключаясь на Синичку, что позволяло Кветке быстро вздохнуть и снова оцепенеть от страха.

– Вы что, больные? – наконец спросил он. – Расселись на проходе, как две полоумные. Обкурились, может, чего?

Кто-то смеялся, мимо тенями скользили минималисты, избегая неприятностей, а вот кварталы останавливались и не стеснялись изучать провинившихся, как помеху на пути, которую, впрочем, легко просто переступить и идти дальше.

– Я тебя спрашиваю, – вкрадчиво повторил маг.

Кветка подняла голову выше.

Интересно, вдруг пришло в голову, хотя бы раз, хоть раз в своей жизни он видел эти сказочные миры в глубине луж?

Странно, приступ любопытства был таким сильным, что захотелось рискнуть и спросить, но как? Да и к чему?

Кветка облизала губы и хрипло заговорила:

– Мы потеряли монетку.

– Ты врешь, – вдруг зашипел он, наклоняясь ближе. В его глазах яростно мерцала запертая в клетку самообладания сила, с бешенством рвущаяся наружу. – Я ложь за версту чую!

Ах да, перед нами же маг.

Самым странным этим чудесным утром был момент, когда Кветка вдруг перестала его бояться. Перестала, как только увидела толщину прутьев, не выпускающих ничто на волю. Зачем он там, в клетке, держит свою магическую силу, неизвестно, но выпускать ради двух глупеньких минималисток явно не станет. Слишком дорого ему дается необходимость обуздать и загнать это бешенство обратно.

– Вру, – легко согласилась она и даже улыбнулась. – Извини.

– Алехо, что за суета? Жрать охота, – сбоку показался Шатай. – Идешь или будешь трещать с бабами?

Будто нехотя поддаваясь призывам разума, неухоженный и неукрошенный маг Алехо расслабился и ушел. Интерес окружающих к двум оставшимся участницам мини-конфликта тут же погас, и кварталы проходили мимо, уже не обращая на них внимания.

– Нам надо быть осторожнее, – негромко сказала Лиза. – Не со всеми можно играть в дурочку.

Но Кветка только пожала плечами.

– А я не играю.

* * *

Воздух в аудитории прямо похрустывал от потоков холодного сквозняка, стелющихся по полу. Господин Тувэ расхаживал перед столами медленно и плавно, словно пританцовывал.

– Итак, сегодня мы рассмотрим весьма неожиданное заявление Кафира о взимании единовременного налога на банковские вклады. Всем известно, что до сегодняшнего дня банковская система Кафира считалась самой надежной в Западной Европе. Их репутация формировалась в течение нескольких веков. И вот такой взбрык... Теперь попробуем понять, к чему подобный шаг приведет. Заодно выясним, хватит ли у вас ума вычислить предпосылки данного решения и проанализировать возможные варианты развития дальнейших событий. Подсказка: следует учесть давление мировой экономической элиты.

Кветка сидела на своем прежнем месте, стараясь не зевать. Тщетно. Завтрак оказался таким же потрясающим, как вчерашний обед, а учитывая, что поужинать не удалось, она, похоже, с голодных глаз перестаралась. Вторая порция блинчиков явно была лишней.

«Выпрямись, – пришло сообщение от Синички, – ты по-

хожа на крендель».

«На себя посмотри!»

«Не стоило столько жрать».

«Не надо было говорить, что у них есть еще и вишневый джем».

«Как ты еще за щеками блины не забила, как хомяк, чтобы на ужин оставить».

«Хорошая идея. И давно ты пользуешься этим методом?»

Открыв следующее сообщение, Кветка прыснула со смеху. Это была картинка. Она и не догадывалась, что Лиза умеет рисовать, да еще так чудесно!

На стуле, скрючившись, сидела Кветка – какая-то щуплая и костлявая, но одежда и прическа – короткое каре, растрепанное куда сильнее, чем было на самом деле, – принадлежали ей. А лицо какое – с раздутыми щеками, куда явно сунули немало печенья, наверняка, с целью спрятать и схоячить позже.

– Царелора!

Кветка подскочила на стуле, стукнув планшетом о стол, а стулом – об пол. В окружающей тишине производимые ею звуки походили на какофонию, вдруг грянувшую в нехожей лесной чаще.

– Позвольте узнать, что же так развлекло мою студентку-минималистку, раз она хохочет, когда я рассказываю о кризисе, вынудившем правительство Кафира идти на отчаянные меры? Вас рассмешила нехватка рабочих мест и сни-

жение социальных пособий?

Он с ожиданием замолчал.

Кветка опустила голову.

– Н... нет.

– Что нет?

– Меня не смешит нехватка рабочих мест и снижение пособий.

– То есть вы считаете возможным на занятиях не слушать, о чем говорит преподаватель, не пытаться извлечь из его слов хотя бы крупицу знаний, а позволяете себе заниматься своими делами?

– Извините.

– Извиняю. Останешься после занятий и уберешь аудиторию. В следующий раз я потребую более действенного наказания, вплоть до исключения. Вас тут никто не держит. Тебе понятно?

– Да.

– Садись.

Кветка послушно села. Когда он продолжил рассказывать что-то о внешних долгах Кафира и снова вошел во вкус, она повернулась к Лизе и пожалала плечами. Мол, извини, – за такую реакцию на твою картинку и не волнуйся, все в порядке.

Синичка быстро улыбнулась, кивая. Потом уткнулась обратно в свой планшет и продолжила в нем что-то чиркать. Наверняка не унялась и снова кого-то изображала.

Уже отворачиваясь, Кветка неожиданно для себя подняла

глаза наверх, к квартам.

Он смотрел. Сидел, откинувшись на стуле и сложив руки на груди, и смотрел сверху вниз, прямо на нее.

Остаток лекции Кветка провела с выпрямленной спиной, почти не шевелясь и подрагивая от напряжения. Причиной ее окаменения был вовсе не преподаватель и не возможность исключения из академии, а этот странный кварт, которому она в последнее время слишком часто попадает на глаза. И в этом не может быть никаких положительных моментов, только отрицательные.

К счастью, вторая лекция предназначалась одним минималистам и можно было расслабиться и хотя бы разок, для разнообразия, получить от учебы удовольствие. Оно и правда того стоило – группу разделили на несколько кучек в соответствии с выбранными направлениями, но преподавательница экстерьера не явилась, поэтому Кветка прослушала лекцию о моде. Это было на редкость познавательно. Оказывается, в нынешнем сезоне в моде цвета морской формы – темно-синий и белый, квадратные воротники, матроски и шнурованная обувь на мягкой подошве. Юбки обязательно плиссированные, на тонком блестящем пояске. На голову – берет, шарф – крупной вязки или просто очень длинный.

«Помереть не встать, – написала ей Лиза, сидевшая неподалеку с преподавателем бухгалтерии и слушавшая в два уха обе лекции. – Наконец-то мой шарф, который я связала себе на выпускной, вошел в моду – он по совпадению весь та-

кой огромный и в полосочку». Рисунок шарфа, к счастью, не прилагалось – Лизе не хватило времени.

В общем, день прошел мирно. Пообедали они очень быстро, не сговариваясь, молча съели все, что было в тарелках, и убрались поскорее из столовой, даже не перекинувшись ни с кем парой слов.

Кветка подозревала, что с Лизиной стороны дело в Косте, пришедшем в компании девушки, которую ледышкой назови – не ошибешься, ну а ее саму... Слишком нервировало соседство многочисленных кварталов. Особенно напрягало неожиданное внимание Гонсалеса, который вроде квартал, но при этом так держится, будто стыдится своей принадлежности к магам. Правда, непонятно толком, на кого смотрит и с какой целью, но все равно такое пристальное внимание настораживало.

Как же не хотелось тратить время на уборку аудитории! Но по слухам, это одно из простейших наказаний, которое принято назначать минималистам. По сути, все могло закончиться куда печальней, например, запрет на выход за пределы территории академии. Не то чтобы Кветка стремилась удрать за забор, но сам факт того, что в свободное время она может выйти наружу, придавал сил.

В общем, роптать не стоило. Правда, после окончания своих занятий пришлось еще ждать, пока закончатся занятия у кварталов, потому что у них, у бедняжечек, они длились на полтора часа дольше.

Итого, Кветка проторчала в вестибюле до тех пор, пока все кварталы не убрались из здания, и только тогда пошла к месту наказания. Ноги заплетались, не желая идти на казнь.

А что делать?

Пришлось.

В коридорах было пусто, не считая парочки человеческих уборщиц. Впрочем, кто их считает... Сегодня одной из них придется меньше работать. Хоть кому-то от этого наказания радость.

На двери в аудиторию утреннего обзора новостей Кветка нашла табличку с предупреждением обслуживающему персоналу о том, что тут убирать не надо – перечеркнутое жирной красной линией ведро. Ткнула в нее пальцем, уже собралась открыть и саму дверь, когда услышала чужой разговор.

– ...варварский обычай. Но противозаконного в нем ничего нет, вынести на законодательный уровень запрет тихандрии невозможно. Однако меня не это волнует, Алехо. – Внутри господин Тувэ читал нотации, и кто бы подумал кому? Тому самому Алехо, перекачанному силой так, что гляди вот-вот лопнет, словно воздушный шарик! Кветка даже звук такой слыхала – «пшик...». Будто в нем образовалась дырка, выпускающая воздух. Однако о чем там речь? Вот так, волей-неволей пришлось подслушивать. С другой стороны, она не виновата, что пришла отбывать наказание и застала тут посторонних!

– Твоя жизнь, конечно, изменилась. Ты согласен?

Молчание.

– Все наладится и без толчка, но некоторые аспекты твоего поведения меня серьезно настораживают и беспокоят. Мне не хочется обращаться к начальству с вопросом о твоём психическом равновесии, но, если придется, я это сделаю. В твоих интересах задуматься над моими словами и сделать выводы – не следует выносить сор из избы.

Странно, но Алехо молчал. Кветке до зубовного скрежета захотелось увидеть его лицо и реакцию на разнос, устроенный господином Туве, но не открывать же дверь? Это точно будет перебор.

Впрочем, разнос уже закончился.

– Надеюсь, мы друг друга поняли? – поинтересовался учитель. В ответ ему что-то тихо и коротко ответили.

«Ну вот, все пропустила», – искренне расстроилась Кветка, поэтому дернула дверь и вошла, а потом будто удивилась, увидав преподавателя с портфелем в руке и с пальто наперевес, который уже оборачивался к двери, собираясь уходить. Алехо сидел на первом ряду и, судя по всему, никуда не спешил. Вид у него был равнодушный, будто только что тут ничего важного не происходило. А может, и правда для него подобная выволочка в порядке вещей.

Господин Тувэ коротко глянул в ее сторону.

– Да, Кветка, заходите. Кстати, вы опаздываете, но в первый раз закрою глаза. Инструменты для уборки найдете за левой дверцей, она ведет в подсобное помещение. – Препо-

даватель кинул быстрый взгляд на кварта и добавил: – Господин Алехо поможет вам поднять стулья, они слишком тяжелы для девушки. До завтра.

И, чему-то улыбнувшись, ушел.

А вот Кветка осталась в одном помещении с Алехо, который, кстати, только что получил взбучку и вполне мог отыгаться на ком-нибудь слабым. Вот об этом-то она и не подумала!

Ладно, главное, сделать вид, что все по плану.

Кветка оставила свои вещи на преподавательской кафедре и отправилась за моющим пылесосом, который сразу и убирал мусор и мыл пол. Потом бросила его и вытерла доску, на которой по традиции писали мелом. Повертела пылесос в поисках кнопки, которые производитель, как специально, старается запрятать поглубже, нашла, как он включается. Не смогла не покоситься на Алехо, который все еще сидел на месте, о чем-то задумавшись. Вдруг он схватил свой рюкзак и вытащил планшет. Что-то быстро набрал на экране. Через минуту улыбнулся.

– Привет, Леська. Занят был, не мог ответить. Ты чего-то хотела?

Кветка быстро опустила глаза, чтобы не выдать своего интереса, вспыхнувшего, как раздутые ветром искры. Он позвонил... девушке. Такого не может быть! Нет, он никак не способен говорить с кем-то так спокойно и даже доброжелательно!

Хотя как он должен разговаривать? Постоянно рычать и плевать слюной? Тоже утомительно.

– Нет, я не приду, – все еще с улыбкой продолжал Алехо, но Кветка зуб готова была дать, что предмет разговора, чего бы он там не касался, ему жутко не нравился. – И не проси.

– Да все в порядке, – с уверенностью сообщил он чуть позже. – Жив и здоров. Вот, подумываю вечеринку устроить.

– Что? – еще через минуту, внимательно выслушав собеседницу. – Конечно, приглашу. А вот Каролину нет, мала еще. Вас обеих просто в гости приглашу, но попозже, идет? Ну все, мне пора. Маме привет. Звони, если что, в любое время. Я мало сплю, ты же знаешь.

Кветка заставила себя отойти подальше. Пылесос недостаточно громко шумел, чтобы заглушить голос, и, отключившись, он мог заметить, что за ним следят. Кстати, вопрос, на кой ей за ним следить? Точно! Чтобы не потерять бдительность и не позволить ему подобраться слишком близко. Еще не хватало в перечне недоброжелателей заиметь врага-кварти.

Нет на свете хищников, питающихся медузами, потому что медуза – вода. От нее нет толку, поедать медуз бессмысленно и бесполезно. Но иногда охотники нападают не из-за голода, а просто из-за инстинкта, из-за развлечения.

Услышав, что Алехо замолчал, Кветка опустила голову еще ниже и принялась таскать пылесос еще быстрее. Пора бы ему уйти!

Он и ушел. Почти. Уже спустившись с лестницы, кварт вдруг оглянулся (Кветка увидела отражение в полированной боковине стола) и словно о чем-то вспомнив, вернулся обратно. Оставил сумку рядом с ее вещами, подошел к рядам и стал поднимать стулья.

Ладно, аудитория большая, рядов много, как-нибудь разойдутся.

И у Кветки прекрасно выходило держаться на расстоянии – он ходил по одному ряду – она ныряла на другой. Кроме стука переворачиваемых стульев и низкого гудения пылесоса, вокруг было тихо.

Постепенно она стала обращать больше внимания на работу, и в частности, в голове стало всплывать, кто на этих местах сидит. Тут прижился странный пришелец Гонсалес, которого кварты невзлюбили, как только услышали фамилию. Маленькая блондинка со сморщенным носом. Тут – тот чудак в траурно-черном прикиде. А тут... Хм... На месте, где сидела девушка с рубиново-черными волосами, на полу что-то блеснуло. Кветка отвела пылесос и присмотрелась – и правда, что-то лежит. Она присела на корточки и протянула руку. Вот в жизни бы не догадалась, что найдет... такое. Это было небольшое птичье перышко, совершенно точно настоящее, мягкое и гладкое, но при этом оно было желтым и блестяло, будто покрытое позолотой. Что это за птица такая? Такие разве бывают?

Кветка положила перо на ладонь, рассматривая со всех

сторон и пытаюсь по форме определить размер птички. Знать бы еще с какого места перо! Если с хвоста – птичка крошечная, если с грудки – огромная.

Но почему такой необычный цвет? Кветка знала, что выводить экзотических животных очень сложно, природа сопротивляется и не позволяет, к примеру, создать дракона. Но возможно, ученые таки сумели вывести золотую птичку?

Надо посмотреть в сети.

Кветка поднялась, собираясь сунуть перо в карман и вздрогнула.

Алехо сидел на крышке стола прямо над ней, странно, как она не заметила ног кварта, когда он подошел. Это все ее дурацкая привычка видеть что-то одно и выпадать из действительности. Сколько раз такое случилось и приносило неприятности – и опять!

Пусть она стояла, а он сидел, но они получились одного роста, ну может всего пара сантиметров разницы.

– Мой координатор заявил, что я ассоциативен, плохо лажу с людьми, отталкиваю их грубостью и сарказмом и до кучи убеждаю сам себя, что не нуждаюсь в молодежных развлечениях типа пьянок и свиданий под луной. Что я не в своем уме. А ведь я не подбираю с пола мусор с таким видом, будто нашел кредитную карточку с миллионом, и не прячу в карман.

Кветка молчала, насторожено смотря на него исподлобья.

– Если бы я стал заглядывать в лужу, координатор, пожа-

луй, встревожился бы настолько, что записал меня на прием к психиатру. А ты можешь в этой луже переночевать, и всем будет фиолетово. Несправедливо. Как ты считаешь?

Он задумчиво приподнял брови, а взгляд стал странно-фанатичным. Однако не страшным, а задумчивым, как будто он тоже делал так... выпадал из реальности.

– Интересно, ты, человек, неотягощенный магическим даром, ты хотя бы понимаешь, насколько свободна? – А теперь он говорил так тихо, будто и не с ней вовсе.

– Да прям там, – не сдержалась Кветка. – Тоже мне свободна. Меня никто не спрашивал, хочу ли я здесь учиться.

– Будто меня кто-то спрашивал, – пробормотал он.

– Я и не утверждала, что ты свободен, – продолжила Кветка, смотря на него прямо наверняка только потому, что он сидел глаза в глаза, на ее уровне. – Подозреваю, свободы в принципе не бывает. А тебе до нее точно далеко. Не знаю, как насчет стенок извне, а эту клетку в себе ты создал сам. Сам себя лишил половины. И как, получается?

Он вдруг резко очнулся, если секунду назад и казался безопасным, то это впечатление быстро прошло. Ни улыбки, ни расположения. Да уж, пожалуй, насчет отталкивания потенциальных друзей грубостью координатор не соврал.

Кветка похолодела. Дура она такая, глупая! Да что же она такое делает? Ну конечно же, квартам живется скучно, потому что у них есть все – вот они и позволяют себе пофилософствовать на тему свободы или какой другой мифической

субстанции. Но она-то, она – выдержанная и не раз ученая на собственных ошибках Кветка, чего это она сдает?

Кветка быстро опустила глаза, а потом подняла пылесос и стала елозить им по полу дальше. Потом повернула в обратную сторону, потому что не рискнула к нему подойти. Однако Алехо больше не желал болтать, оставил половину стульев неподнятыми и молча ушел из класса. Кветка надеялась, что он забыл о ней сразу же, потому что, судя по разносу преподавателя, у него, к счастью, слишком много своих проблем, чтобы на кого-то срываться.

* * *

Синичка как раз обувалась, когда Кветка вернулась в комнату.

– Ты куда?

– К Мальке пойду, надо у нее порядок навести и взять список предметов, по которым в конце семестра у кварталов экзамены.

– Так ты что, на нее работаешь?

Лиза проверила степень натянутости шнуровки и улыбнулась:

– Нет, я ей помогаю бесплатно. Она, конечно, жуткий квартал, но по совместительству мне как младшая сестра. Младшая и глупая. Ладно, не скучай. К ужину что-нибудь принесу.

– Откуда?

– У Мальки возьму. У нее всегда вредной еды полно, ей столько не надо, а нам пригодится.

– Она не будет против? – несмотря на утверждения Лизы, после Косты Кветка опасалась этой семейки. Синичка фыркнула:

– Да! Кстати, вспомнила, – достала телефон и, поведив пальцем по экрану, сказала: – Вот, Коста прислал эсэмэску. Не хочешь ли ты убирать его квартиру? Оплата стандартная. Что скажешь?

– Не знаю... стандартная это сколько?

– Десять рублей в час. Завтра можно начинать.

– А ты как думаешь, стоит?

Лиза задумалась.

– Работа тебе нужна? Нужна. Все равно искать придется, не вытянем мы на стипендию, даже с учетом стащенных у Мальки продуктов.

С горестным вздохом Кветка согласилась. Точно не вытянут.

– Ладно, но именно он мне подходит? Ты не против? – всполошилась она.

– Нет, конечно, Коста требовательный, но справедливый, по мелочам придирается не будет.

– Да-а-а?

Интересные дела...

– Все, пока, – Синичка потупила глазки и упорхнула, оста-

вив Кветку в одиночестве соображать, что к чему.

Впрочем, думать слишком много вредно для цвета лица. Куда полезнее включить мультики или фильм. Или музыку, на худой конец, быстренько прибрать в комнате, благо Лиза тоже не отличалась неряшливостью и не разбрасывала вещи где попало. А после уборки можно заняться одним делом, которое так хорошо успокаивает, заставляя сосредотачивать на себе все внимание.

Была у Кветки мыслишка полазить по сети, но она сдержалась, потому что они с Синичкой на этот счет пока не разговаривали.

Лиза и правда принесла ужин – два пакета чипсов и один пакет бисквитного печенья.

– Боже, сколько у нее этого барахла! – застонала она, трясая ногой и сбрасывая обувь. – Как бы убедить ее заказывать фрукты и йогурты?

– Действуй силой мысли! – Кветка растопырила пальцы и вытаращила глаза, демонстрируя напряженную умственную работу.

– Да я ведь бы с радостью, – кисло ответила Лиза, – но ведь она потомственный кварт...

* * *

Парк, конечно, был открыт.

Алехо пешком прошел сквозь него от центрального вхо-

да, где оставил машину, хотя второй вход находился как раз неподалеку от места выступления музыкантов. Дорожки, из ухоженных и выложенных плиткой, перетекали в утоптан-ные ногами; газоны, чем дальше от входа, тем больше зарас-тали травой, и это красочно символизировало его собствен-ный переход из устойчивого мира академии, из сытого и ста-бильного мира кварталов в тот противоположный мир, куда он угодил почти год назад. Трава из роскошно зеленой станови-лась пожухлой, кусты из аккуратных мопсов превращались в диких лохматых собак неизвестной породы, и даже белый день сгушался зловещими сумерками.

Другая музыка тоже доносилась издалека – тревожная, плаксивая. Алехо разглядел сквозь деревья людей, дошел до обычного своего места на лавке перед кустами у круглой пло-щадки с музыкантами и сел.

Девушка танцевала, подняв руки и мелькая голыми ко-ленками под пышной оранжевой юбкой. Гитарист стоял как обычно, поставив ногу на пустой деревянный ящик из-под продуктов, привозимых в ближайшее уличное кафе, а дудоч-ник сидел на втором таком же ящике, отчего его острые ко-ленки стремились вверх.

Когда мелодия закончилась, девушка присела отдохнуть рядом с дудочником, а музыканты продолжили играть, а по-сле гитарист запел. Песня – слишком веселая для буднично-го вечера, звучала наиграно оптимистичной. Хотя, с другой стороны, Алехо не мог сейчас представить песню, которая

бы его устроила. Разве что она будет без слов... и в исполнении одной дудки.

Примерно через полчаса почти совсем стемнело, и группа закончила выступление. Немногочисленные зрители бросали деньги в шляпу, которую девушка в оранжевой юбке и черном боди, с улыбкой носила перед ними. Собрав все, что ей хотели заплатить, девушка решительно направилась к лавке и остановилась перед Алехо, призывно приосанившись. Она стояла, смотрела сверху вниз, и улыбка на ее губах жила словно сама по себе – изменчивая и разнообразная. Насмешка, интерес, томление и расчет – улыбка говорила сама за себя. Алехо молча достал портмоне и сунул в шляпу пару крупных купюр.

– Опять пришел нас послушать? – заговорила девушка.

– Да.

– Ты столько денег оставляешь, – она потрясла шляпой, – скажи честно, ты из-за меня приходишь?

Алехо не нашелся с ответом. Танцовщица расценила по-своему.

– Тут многие приходят из-за меня. Хотят познакомиться поближе, будто я не танец продаю, а себя, – она фыркнула. – Я их всех посылаю на хрен. А вот ты мне нравишься. Пригласишь меня в гости? – она поправила волосы, открывая тонкую шею, – я думаю, ты заслужил возможность познакомиться со мной поближе. Только давай без грубости, я не люблю, когда меня пытаются заставить делать то, чего я не

хочу. И надеюсь, ты умеешь ласкать женщин?

Алехо откинулся на лавку, расставляя ноги.

Девушка казалась юрким хрупким зверьком, которого приятно носить за пазухой, с любопытными глазками и крошечными царапучими коготками – и такой же животно-откровенной. И грудь у нее была неплохой. Алехо проследил, как она поднимается под натянутой черной материей боди, и почти почувствовал тепло ее кожи.

– Ты красивая. Но я не люблю, когда мои гости задерживаются надолго, а тем более остаются ночевать. Обратное такси оплачу. Телефон не дам. Это тебя устраивает?

– Более чем, – она уже выгребла из шляпы мелкие деньги и теперь складывала в стопку бумажные купюры. – Так что, идем?

Алехо снова не смог найти слов и только молча кивнул. Он бы убил любого мужчину, посмеявшего так обойтись с одной из его сестер. Но его ставила в тупик мысль, что повзрослев, сестры сами могли позволить так с собой обращаться. Могли захотеть этого...

Гитарист тем временем упаковал гитару и, смеясь, что-то говорил дудочнику. Тот вдруг посмотрел в сторону скамейки, скорбный взгляд, не задевая Алехо, остановился на его собеседнице, а после дудочник отвел взгляд и опустил глаза вниз. Быстро-быстро, так же, как делала та девчонка... минималка из академии. И при этом во взгляде, длившемся мгновение, столько всего было...

Он вздохнул – не очень-то приятно менять решения по ходу движения поезда.

– Нет.

– Что нет? – Девчонка наморщила лоб.

– Извини. Спасибо, но нет, я не повезу тебя к себе.

Она фыркнула, выказывая максимальную степень презрения, развернулась и ушла к своей группе. Ну нет так нет, не очень-то и хотелось!

И как у людей получается сделать что-то простое таким сложным?!

Или дело и, правда, в нем?..

Глава 4. Партия «Наравне»

Как-то так получилось, что однажды утром Кветка с изумлением заметила на экране планшета дату – закончился месяц, в начале которого она переступила порог академии, и наступил следующий. Получается, прошло более трех недель, как она приехала в академию и вот – все еще жива и здорова.

Кварты, несмотря на свои возможности, в целом вели себя примерно. Задирали, конечно, но в основном мальчишек, и строго вдали от внимательных глаз преподавателей, которые тщательно блюли толерантную репутацию академии. Да и задирали, скорее, для порядка, чем по велению сердца. Жизнь тоже оказалась не такой уж тяжелой, как виделось раньше. Занятий у людей было на порядок меньше, чем у кварталов, спрашивали с них тоже куда меньше, да и в общем люди тут мало кого интересовали.

К счастью.

Работа, конечно, была не самой приятной, но Коста действительно оказался уравновешенным работодателем и по мелочам не придирался. И вообще оказался недоволен Кветкой всего однажды. В тот день (она пришла к нему второй раз и должна была разобрать оставшиеся чемоданы), Кветка устроила уборку на его рабочем столе, который по площади занимал чуть ли не столько же места, сколько ее кровать.

Так вот, памятуя, что в чужой беспорядок лучше не соваться, потому что хозяева часто видят в нем свою особенную систему, Кветка просто сложила аккуратными стопками бумаги с книгами и вытерла пыль. А потом, разбирая лежащую на столе небольшую коробку, нашла в ней фотографии в рамочках и решила их вынуть – наверняка, Коста захочет поставить снимки на стол. Самой большой была общая фотография семьи – наверняка, Пактокринские, значит, эта светловолосая девчонка – Маля, к которой ходит Лиза. Та же девушка на следующем снимке стояла в жокейском костюме возле лошади, потом – только родители, вдвоем, совсем еще молодые. Коста, оказывается, сильно походил на мать. Еще дом в классическом стиле на фоне рассвета... А вот последняя картинка, так же бережно упакованная в бумагу, сильно отличалась от остальных – это был портрет Косты, нарисованный черным карандашом. Коста выглядел явно младше теперешнего, как минимум года на три, он сидел на берегу озера и смеялся. Его отросшие волосы развевались на ветру, рубашка была расстегнута, а в руке он держал удочку. Он выглядел счастливым и, честно говоря, Кветка ни разу еще не видела его хотя бы довольным, не то чтобы таким открытым и безоблачным – просто глаз не отвести.

Когда Коста застал ее с этой картинкой в руке, он повысил голос и заявил, чтобы Кветка больше не приближалась к столу, тут он будет убирать самостоятельно. Она пожала плечами и поставила рамку с портретом на стол к осталь-

ным. Кстати, через несколько дней она выяснила, что все фото остались стоять, как она их оставила, но нарисованного уже вполне узнаваемой рукой портрета Кветка больше ни разу не видела.

Что не могло не вызывать любопытства.

Но святость чужих тайн осталась для нее превыше всего. Любопытство иногда слишком сильно ранит.

Вот и месяц прошел... Даже странно.

Погода за это время почти не изменилась.

Кветка с Лизой, как обычно, галопом неслись на завтрак, потому что обе обожали раннее утро – вкусные запахи, не менее вкусная еда, впереди новый день, который приблизит к окончанию курса, так что жаловаться просто грех!

Сегодня на завтрак явилось на удивление много народа. Просто столпотворение какое-то!

Майя, увидав Синичку (Кветку она обычно игнорировала) радостно запищала:

– Доброе утро.

Возле столов в углу минималистов толпилось не менее половины всего курса. Когда им удалось пробиться сквозь живой заслон, в центре кучи они нашли Гонсалеса, который щедро раздавал направо и налево цветные открытки, и пачка в его руках стремительно таяла. Кветке тоже досталась одна, а вот Лиза успела схватить только воздух.

Оказалось, это приглашение на вечеринку.

– Всех жду, даже кому не досталось приглашения. Оно

только для виду, – заявил Турба, который, кстати, оказался очень взрывным и активным человеком (в хорошем смысле), вечно куда-то спешил, с кем-то болтал, что-то решал и вообще представлял собой взрывной вулкан деятельности. И не скажешь, что кварт. А больше всего поражало его общение с людьми, – он постоянно интересовался как дела, предлагал помощь и вообще вел себя чуть ли не как брат родной. При том со всеми, к счастью, потому что когда он впервые подошел к Кветке с Лизой и спросил: «Ну как вам тут, девчонки? Никто не обижает? Если что, только скажите!» – они жутко насторожились – всем известно, что просто так покровительство никто никому не предлагает. Но оказалось, он подходил не только к ним, так что этот вариант отпадал.

А когда первая настороженность прошла, он, как ни странно, стал для них одним из тех, с кем приятно случайно встретиться и поболтать.

Поэтому, хотя завтрак первее и важнее всего, Кветка раскрыла открытку, а Синичка заглядывала через плечо, покусывая от нетерпения губу.

«В воскресенье жду всех в гости на вечеринку по поводу знакомства. Давно пора! Адрес внизу. Форма одежды – свободная. Обещаю любые напитки и еду на ваш вкус. Совершенно бесплатно. С собой ничего не приносить (кроме хорошего настроения). Кто не придет – мой личный враг. Гонсалес».

– Ничего себе размах, – подумав, заявила Кветка. Все во-

круг гудели, обсуждая приглашение. Что-то неестественное произошло – потомственный кварт пригласил всех минималистов в гости. Весь курс целиком.

– Такое нельзя пропустить, – решила Лиза.

– А тебе не кажется это подозрительным? Мало ли что он задумал.

– Квартам, конечно, верить нельзя. Но что он сделает с целым курсом? Напоит снотворным и пачкой продаст в рабство?

– Совсем не смешно.

– Не бойсь, рабства у нас нет. И – нет, он ничего не задумал. Все же в курсе. Наверняка преподаватели знают.

– Ладно, тебе верю. Вообще, я с удовольствием бы куда-нибудь ходила.

– И я.

– А... Коста тебя отпустит?

Лиза зло сверкнула глазами.

– Не будет знать о приглашении – отпустит.

– Разумно, – согласилась Кветка.

Они обе еще немного поглазели на открытку и отправились к раздаче за едой.

– Понимаешь, что мы должны сделать до пятницы? – чуть позже спросила Лиза, решительными движениями разделяя вилкой омлет с ветчиной на аккуратные квадратики.

– Сшить из обрезков ткани чудесные бальные платья?

– Это тоже. Но еще главнее – найти наконец в сети, кто

такой Гонсалес. Давно стоило этим заняться, ты же видишь, как кварталы от него бесятся? Судя по всему, не зря.

– Согласна.

Только на занятиях по ландшафтному дизайну Кветка смогла отвлечься от намечающейся вечеринки, потому что старательно записывала формы и размеры, и как они влияют на пространство помещений и открытых участков. Эта смесь всегда ее завораживала, все равно что детская игра в цвета – когда синий и желтый, объединяясь, превращается в зеленый, а синий и красный – в фиолетовый. Тут такое же волшебство, только с помощью предметов.

Вечером они наконец решили запалиться на нецелевом использовании ноутбука и полезли искать информацию про Гонсалеса. До этого они только смотрели фильмы и музыку по общей сети, но теперь любопытство оказалось сильнее осторожности.

– Жаль, что Коста не оставил нам рабочий вход в квартонскую Пастилу.

– Ха, – Лиза уселась рядом. Потом снова вскочила и уселась, придерживая юбку, чтобы не мялась. – Размечталась.

– Просто не могу понять, почему обычные люди не могут пользоваться их сетью.

– Почему не могут? Могут. Если под присмотром кварта.

– Вот именно! А без присмотра?

Лиза на минуту задумалась. Кветка любила эти моменты – смотреть, как ее соседка думает. Та при этом так улыбалась,

словно слушала чей-то невидимый голос, который рассказывал нечто крайне смешное.

– Там персональная идентификация пользователя, так? Значит, проверяют личность с помощью магии. Значит, у человека имеется единственная возможность проникнуть в Пастилу – кварт должен войти в сеть, подтвердить свою личность и уступить компьютер.

– М-да... У меня мрачные предчувствия.

– Если я не ошибаюсь, нам не светит.

– Угу.

– Ищи. Может, она и не понадобится.

Итак, Гонсалес Турба. Первой же ссылкой выплыла тема фамилии Турба, ее корни и перечень самых известных представителей. Это, вероятно, очень важно, но их не интересовало. Следующая ссылка – сразу про Гонсалеса. В короткой заметке какого-то биографического сайта упоминалась его дата рождения и что это младший из трех сыновей Данилиона Турбы, лидера политической партии «Наравне».

– Ему почти двадцать четыре. Значит, учиться он начинал как все кварталы и минималы – в девятнадцать.

– Тебе уже давно двадцать, – напомнила Кветка.

– Так я переросток – меня специально на год задержали, чтобы отправить вместе с Малькой.

– А мне еще несколько месяцев на втором десятке.

– Ну знаешь ли, жизнь не закончится, когда наступит третий, – фыркнула Лиза.

– Правда? А я слышала, что в двадцать жизнь реально заканчивается. С утра ноют кости, а юбка не сходится на поясе и перестает перекрывать размеры распухающей как на дрожжах попы. Я вижу, ты ее постоянно одергиваешь. Так это действительно в твоём возрасте актуально?

– Я знаю, что ты шутишь, но треснуть все равно охота, – пробурчала Синичка.

Кветка с улыбкой продолжила изучать ссылки.

Все, больше ничего интересного, только хроника светских новостей, с миру по нитке ни о чем – он появлялся на тех-то вечерах и праздниках, посвященных такому-то и тому-то.

Лиза постучала пальчиком по столу.

– Ищи просто – семья Турба.

Кветка послушно застучала клавишами и нажала ввод. Ссылок вышла уйма. «Семья Турба», «...провели политические дебаты», «снова скандал с участием представителя самого лояльного семейства кварталов», «лидер партии замечен в пивной вместе с рабочими сталелитейного завода».

– Вот смотри, статья.

Они одновременно углубились в чтение.

«...требуют равенства для людей и кварталов не на бумаге, а на деле. Мы все имеем равные права и возможности. Требуют следовать закону. Ввести в правительство людей. Допустить их к бесплатному получению серьезного образования. Включить в систему принятия законодательства и в судебную систему. Стоят до последнего, несмотря на поте-

ри. Скандал с потомками Турба... Старший сын осужден за убийство».

– Ничего себе, – заявила озадаченная Кветка. – Про убийство подробнее?

– Ага.

Они полезли дальше и выяснили, что старший брат Гонсалеса два года назад был осужден на пять лет якобы за то, что убил кварта, который в баре по пьяни избивал девушку-человека. За то, что убил своего.

– Там вот почему кварталы его на дух не переносят, – усмехнулась Лиза. – Для них он фанатик, который пытается приравнять их, великих кварталов, к волосатым обезьянам. Ведь действительно Гонсалес ведет себя со всеми одинаково. Кварты бесятся.

– А нам это холодно или жарко?

– Сложно сказать так сходу... Надо навестить его и посмотреть на месте.

Кветка задумчиво покивала.

– Отличный план.

* * *

Пятница началась на удивление светло. Весь курс минималистов в предвкушении вечера у Гонсалеса значительно оживился. Никто не отказался от приглашения и все уже по сто раз договорились встретиться перед выходом, а вот квар-

ты явно кисли при виде всей этой восторженной возни.

С утра все шло как обычно – квартиры на своих местах, люди на своих, все пришли немного раньше начала лекции и ждали появления господина Тувэ. Кветка переписывалась с Синичкой, хотя они сидели все так же на расстоянии нескольких метров друг от друга. Но рисунки-то не передашь словами по воздуху. Кветка находилась в непреходящем восторге от таланта Лизы рисовать карикатуры. Она легко и непринужденно ловила самую суть человека или предмета, или даже просто эфемерного понятия и точными острыми штрихами припечатывала его к бумаге, как шпилька припечатывает насекомое. На самом деле Кветка всего однажды видела нарисованную ею картинку в другом жанре... но не призналась в этом. Не зря же Лиза изображала что угодно с помощью сарказма и отказывалась возвращаться к реализму. Хотя и упоминала, что когда-то любила писать пейзажи. Почему не сейчас? – интересовалась Кветка и получала ответ: «Не хочу, сегодня нет настроения, душа не лежит...» Отговорки следовали одна за другой, и однажды Кветка перестала спрашивать.

Лиза, кстати, не меньше восхищалась ее довольно примитивным хобби – вышиванием гладью. Крестиком, конечно, куда проще, и результат более предсказуемый, но им точно не получится передать объем цветка или оттенок цвета на крыле бабочки, или лист, бьющийся на ветру.

Кветка любила вышивать. Вначале Синичка с недоверчи-

вым изумлением смотрела на простые нитки и вышитые ими потрясающие цветы, разбросанные по белому полю, но потом привыкла и любила сидеть за столом и следить, как порхает над тканью игла. Она даже попросила однажды научить ее так делать, и Кветка согласилась, хотя заранее знала, что бесполезно – каждому свое – Лиза рисовала, она вышивала салфетки и крошечные панно, одно из которых закончила совсем недавно, истратив последние шелковые нитки – крошечный кусочек поля, покрытого высоченной травой, на горизонте скачет великолепный гнедой конь. В жизни Кветка лошадей вблизи не видела и, конечно, никогда не ездила верхом, но реальность и выдумка – вещи разные, не так ли?

В общем, все было чудесно этим утром, кроме одного – в аудитории вдруг появилась Джустин – та кукольная девушка, изображение которой можно лепить на плакаты, демонстрирующие превосходство высших существ-квартов над людьми, и направилась напрямик к Алехо, как обычно сидевшему рядом выше огромного неповоротливого Шатая. Кветка как раз писала Лизе что-то забавное и неважное, но замерла на полуслове. Голова сама собой повернулась вслед за вошедшей – очень редко студенты других курсов рисковали так вызывающе появляться перед старшими и так целенаправленно топтать наверх, где сидят главные. Кветка проследила, как ловко ее ноги в тонких бархатистых колготках ступают по ступенькам, еще выше приподнимая и без того короткую юбку, а сзади вьется шлейф красноречивых муж-

ских взглядов. Кветка мимоходом подумала, что их сложно обвинить – гостья действительно выглядела красиво.

Джустин остановилась перед Алехо, слегка наклонилась и заговорила. Самого разговора Кветка не слышала, но сидевший неподалеку Шатай заулыбался, а девушка с пурпурными волосами, которую звали Лолодия, так сморщилась, будто наступил конец света. Или нет, наоборот. В ее случае как будто выяснилось, что конец света планировали-планировали, но в последний момент взяли да отменили.

У Кветки замерло сердце в момент, когда Алехо поднял на Джустин глаза. В ней всегда все замирало, когда возникала вероятность, что их взгляды встретятся, что могло произойти в любой момент, пока она на него смотрела. Хотя в последнее время Кветка научилась смотреть куда угодно, кроме Алехо, но сейчас наступил тот редкий случай, когда разум оказался бессилён и не смог заставить ее отвернуться.

Алехо смотрел на Джустин с тем нейтральным выражением, которое могло означать что угодно. Может, он злился или посмеивался над ней. Может, серьезно думал над ее предложением, а Кветка руку готова была отдать на отсечение, что та ему сделала предложение, точнее, куда-то пригласила и вряд ли на церковную службу. На секунду она даже восхитилась такой смелостью – надо же, взять и пригласить на свидание Алехо! – но только на миг. Достаточно вспомнить поведение этой Джустин вместе с ее так называемыми подружками и как они относятся к минималисткам, чтобы признать

мгновенно испарилась – да и не смелость это, а самоуверенность. Кветке, наряду с другими девушками, не раз доставались обидные комментарии по поводу внешности, поведения и места рождения, впрочем, Джустин даже для «своих» находила «добрые» слова и особым расположением женского коллектива не пользовалась. Ну а мужского... Там, конечно, своя форма оценки, базирующаяся на внешности и доступности, а никак не на благородных человеческих качествах.

«Этой синеокой лохудре сложно понять, как можно посметь настолько обнаглеть, чтобы родиться в семье, где завтракают не за столом на пятьдесят персон», – написала как-то Лиза.

А вот Алехо находился как раз на нужной стороне – на возвышении, куда Джустин была не прочь вскарабкаться. Ну, из серии, когда король бала должен выбрать себе девушку, достойную звания королевы, а никак не толстую или в прыщах девицу, которая не блещет внешними достоинствами.

Кветка сама слышала однажды в туалете, как Джустин сказала своим двум подругам, которые даже в уборную ее сопровождали: «Да подойдет он ко мне, куда денется. Он в прошлом году на меня так и пялился! Правда, тогда еще Алехо был... ну, скучным, как все. А теперь у меня от него даже мурашки по коже. Он теперь такой... кровь стынет! Еще неделю даю...»

Но Алехо, похоже, так и не подошел, так что пришлось

королеве действовать самой.

Надеюсь, никто не обратит внимания, что я за ними наблюдаю, с тревогой подумала Кветка, но любопытство перебило.

И... конечно, это снова случилось. Не ответив на вопрос Джустин, Алехо повернулся в сторону Кветки и посмотрел с таким же отсутствующим выражением, как смотрел на первую. Может, это одна из граней его таланта – видеть, когда он становится чьим-то объектом внимания? Так же, как слышать ложь?

К счастью, звякнуло пришедшее сообщение, и Кветка со спокойной совестью смогла отвернуться и переключиться на планшет.

«На вечере будут другие люди, не только из академии. Может, ты там встретишь своего принца?»

Кветка улыбнулась и поспешила ответить:

«Я не очень везучая. Скорее, первой его встретишь ты».

«Я без вариантов нет», – и грустная рожица.

«Почему?»

«Глупая ты девчонка, Кветка... Веришь в принцев. Впрочем, я не лучше».

Кветка изумленно повернулась к Лизе, но та вдруг опустила голову, сложила ногу на ногу и свернулась в комок, как иногда делала, когда не хотела ни с кем говорить, и что-то рисовала на экране планшета.

Возможно, нужно собраться и поговорить обо всем, что

тревожит Синичку. Хотя... чего лишний раз трепать имя Косты? Что изменится? Не похоже, что там можно что-нибудь наладить. Что там вообще что-нибудь есть. Знать бы, от чего ей станет легче...

В поле зрения появилась прямая спина Джустин, которая удалялась так же величественно, как и появилась. Лизины проблемы почти сразу отошли на второй план. Интересно, у Алехо есть девушка? По нему не скажешь, что он станет отказывать себе в каких-либо удовольствиях, но была ли она... они... Кветка не знала. И вообще, что она о нем знает? Кварт. Сильный кварт. Сильный, но с какими-то проблемами, так, что даже находится под наблюдением. При чем кварт, который почему-то равнодушен к тому, как выглядит и какое впечатление производит на окружающих. Не в том смысле, что он выглядит плохо, даже наоборот – такая небрежность придает ему дополнительный хулиганский шарм, но факт налицо... Даже Коста ходит аккуратный и меняет одежду каждый день, а темно-серый свитер Алехо и его черная куртка давно примелькались окружающим. Что еще? К нему поближе держится Шатай и Фаустин, впрочем, как и Лолодия. Но это не удивительно, они же обладают примерно одинаковым уровнем силы, а сила всегда стремится соприкоснуться с себе подобной.

Интересно, он согласился встретиться с Джустин?

Кветка поймала себя на том, что тоже рисует какие-то узоры на экране, как будто пытается успокоиться. Сильно

бросался в глаза Гонсалес, вокруг которого образовалось пустое пространство – сегодня квартиры отсели от него подальше. Еще бы – такой демонстративный вызов – взять да выставить напоказ свое отношение к людям, распотрошить муравейник. Ну и заодно устроить минималистам стоящий праздник – в общежитии частенько собирались, конечно, у кого-нибудь в комнате, бывало даже с гитарой и пивом, но все это случалось крайне редко – дядя Паша не то чтобы угрожал, а скорее, слезно умолял не шуметь после десяти, потому что если шум помешает спать какому-нибудь особо нежному кварту и тот накает жалобу, у дяди Паши будут серьезные проблемы вплоть до увольнения. Его жалели, ведь неизвестно, кого тогда поставят следующим комендантом. Прошлый, поговаривают, был из тех, кто всеми правдами и неправдами старается угодить начальству, так что правила соблюдались просто драконовскими методами. Комендантский час, ночные проверки, наказания уборкой – в общем, повтора никому не хотелось.

А вот квартиры себя соблюдением тишины и режима не утруждали – и если уж устраивали вечеринки, так до утра. Шатай, к примеру, менял уборщиц через неделю – они не выдерживали уборки после всех его гостей, хотя он и переплачивал больше положенного. Катя из соседней комнаты, которая на него работала целых десять дней, бледнеет каждый раз, когда об этом напоминают.

– Ну и свиньи же они, – говорит она с презрением, – даже

чашку после себя не могут сполоснуть. Даже элементарно до кухни донести соображалки не хватает – бросают, где пили. А что оставляют после попок, вообще жечь...

Но квартам, понятное дело, шуметь не запрещали.

Когда наконец появился господин Тувэ, Кветка уже думала о том, что Алехо к Гонсалесу совершенно равнодушен. Значит ли это, что лично его вопрос равенства никак не задевает? И какое это имеет значение, задевает или нет?

Однако пришлось отвлекаться на лекцию. Пусть Кветка считала, что все это натаскивание с целью научить ориентироваться в политической и экономической ситуации ей как слону дробина, но после первого прокола вела себя примерно и не давала шанса вклеить наказание – так или иначе, после академии у нее останется профессия, а позорное возвращение домой посреди учебного года явно в будущем ей напомнят.

На обеде Кветка села так, чтобы видеть Алехо. Джустин сядет с ним рядом? Неужели ей хватит наглости протиснуться мимо нелюдимо́й Лолодии, которая при желании легко способна заставить красотку замереть на месте? Любопытно, что и говорить...

Последнее время Кветка всячески старалась не попадаться Алехо на глаза и вполне преуспела, но вот сегодня не сдержалась.

Джустин не подошла. Ее вообще на обеде не было.

Когда Кветка допивала компот, то почему-то подумала –

лучше бы Джустин пришла. Лучше бы она села возле Але-хо, по-свойски положила ему на плечо руку, и все вокруг бы поняли – он в ее распоряжении. Он занят.

Правда, почему так, объяснить не смогла. Да и не особо старалась.

* * *

Вечеринка, и правда, удалась. Это было понятно с самого начала, как только Лиза с Кветкой и еще несколькими девушками вошли в квартиру дома, расположенного через квартал от академии, и увидели занавесь из блестящих шариков, нанизанных на нитки, которые слегка колыхались, мелодично звеня, и создавали впечатление живой стены дождя. Блестящий паркет дополнял дождь эффектом мокрого пола, и окончательным штрихом служил запах свежих фруктов, которые были сложены в многочисленные многоярусные пирамиды в высоту человеческого роста и стояли вдоль стен через каждый метр.

Для минималистов, чьих доходов обычно не хватало на дорогостоящие фрукты, это было лучшим угощением.

Кветка не увидела ни одного лица из обслуживающего персонала, только гостей, хотя помещение явно готовили заранее, как и еду.

Впервые со дня приезда в город Кветка попала в некое подобие места, где любила бывать и чувствовала себя при

этом преотлично! Помнится, в школе, будучи старшеклассниками, они с подругами не пропускали ни одной дискотеки, которые по праздникам устраивали для молодежи в помещении фабричного актового зала. Может, размах и разный, но желание расслабиться и отдохнуть точно такое же.

И похоже, курс минималистов явился в полном составе.

Кветка надела свое единственное платье, серое и обтягивающее, Лиза – простую юбку и майку с синими блестками – и обе чувствовали себя вполне к месту, потому что остальные гости мало от них отличались. Не было никаких брендово (или бредово, кому как) разодетых гостей, и даже кварталы, пришедшие к Гонсалесу, ничем среди остальных не выделялись. Больше поражало, что среди кварталов попадались девушки, вполне благосклонно общающиеся с людьми.

– Оказывается, у семьи Турбы немало сторонников, – важным голосом заявила Синичка, допивая очередное пиво, и наблюдение прозвучало бы тонким и многозначительным, не будь этот голос одновременно таким пьяным.

– Мне, честно, фиолетово.

Кветка больше интересовалась подслушиванием, болтовней, сплетнями и танцами. Она обожала сплетни, правда, далеко не все, а только безобидные, больше похожие на хохмы. По сути – свеженькая сочная сплетня такой же редкий деликатес, как рыба Коралловая марка размером с ладонь, которую вылавливают в океане на глубине двух километров – а это, как известно, самая редкое и дорогое блюдо в мире

квартов.

Так вот, насчет сплетен. Кветка обожала такие, как проплыла на прошлой неделе – ее рассказала Ольга из комнаты напротив. Магичка, у которой она работала, однажды сделала новую прическу и перекрасилась в блондинку, после чего стала просто один в один звезда какого-то известного фильма для взрослых (названия, как и самого фильма, Кветка не знала), и вот пошла она за покупками в торговый центр, и там ей просто проходу не давали всякие козлы (мужчины, то есть) со своими пошлыми предложениями. Магичка вернулась домой, изрыгая страшные проклятья, и в тот же вечер перекрасилась обратно.

Кветка, оказывается, скучала по таким хохмам. А еще больше она соскучилась по танцам! Даже не сразу заметила, что Лизе, кажется, тут скучно, потому что она сидела на одном месте и всех интересных молодых людей без разговоров отшивала, стоило им просто подойти, улыбнуться и открыть рот. Даже ни слова им не давала сказать!

Кветка поплясала к ней и залезла на соседний барный стул.

– Лиза, ты что, тайная мужененавистница?

– А ты что, моя дуэнья? – неожиданно грубо ответила та.

Кветка пожала плечами, спрыгнула на пол и снова отправилась танцевать. Юрка и Сергей со второго этажа как всегда веселили окружающих своими комментариями, потому время летело незаметно, а того, кто желает сидеть как бука

в одиночестве, стоит действительно оставить одного!

Но раньше, чем Кветка перестала злиться на свою соседку, все изменилось. Музыка неожиданно вырубилась, гостиная стала резко заполняться вонючим дымом, который, к счастью, оставался на уровне колен и выше не поднимался, завеса серебряных шариков разошлась, и в комнату забежали несколько человек в черной одежде и черных масках, закрывающих пол-лица.

От едкого дыма запершило в горле. Пришельцы стали громко орать, но среди всеобщего гвалта, который волной нахлынул после секундной тишины, слов было не разобрать. Кветка нахмурилась, пытаясь понять, что происходит, повернулась к Синичке и решила подойти к ней – и в этот момент ее тело застыло. Кветка хлопала глазами, с удивлением понимая, что грудь поднимается сама собой, сердце как ни в чем не бывало стучит, но пошевелиться не получается. Не получается говорить и кричать. Лиза на стуле замерла в такой же нелепой позе, только глаза сверкали, и воинственно торчал, покачиваясь, на затылке тонкий хвост. Где-то в глубине тела кости заныли, заскрипели, впервые за время своего существования по-настоящему обездвижившись. Такого ужаса Кветке не приходилось испытывать прежде никогда. Это точно навсегда! Она навсегда останется окаменевшей и не сможет даже никому пожаловаться, насколько все это жутко!

Зато стало слышно, о чем кричат люди в масках.

– ...поставим вас на место! Развели богадельню! Расслабились и забыли, зачем вы существуете? Чтобы пахать на нас, ваших господ! Пора загнать вас обратно в стойло! – орал краснолицый здоровяк, похоже, предводитель новой партии кварталов. Теперь, замерев на месте, Кветка сразу поняла, что эти чужаки в масках – кварталы и, похоже, убеждений о равенстве людей и магов, в отличие от Гонсалеса, они категорически не придерживаются. Несмотря на то что маги они были слабые, Кветка испугалась. Слабые – не слабые, пошевелиться же она не может! Однако не успела она запугать себя окончательно, как тело вернуло контроль и мышцы почти пискнули, снова приняв на себя тяжесть тела.

Среди черных пришельцев замелькали Гонсалес с друзьями, там возникла масштабная драка, и Кветка быстро метнулась к Лизе. В общем, начался вечер чудесно, а вот закончился не ахти. Один из соратников Гонсалеса, размахивая руками, отеснил минималистов к выходу и посоветовал возвращаться домой, что звучало в подобной ситуации самым разумным выходом.

В свою комнату девчонки вернулись так рано, что решили перед сном выпить чаю. Кветку ощутимо потряхивало. Она сидела, сжимая в руках кружку, и старалась не стучать зубами.

– Боже, – с трудом выговорила она. – Я не могла п-пошевелиться. Это невообразимо. Вообще не м-могла...

Лиза мрачно кивнула.

– Не болтай пока, язык можешь прикусить. Все хорошо, я понимаю, что ты хочешь сказать. Ощущение полной беспомощности, когда кварт берет твое тело под контроль. Его все испытывают. Ты раньше не... то есть раньше такое с тобой не проделывали?

Кветка хотела отпить, но побоялась, что откусит край чашки.

– Нет.

– Да, в этом мало приятного.

– Но они – они же такие с-слабые были! А если бы с-сильные, то что?!

– В смысле? Ты о ком?

– Да эти к-кварты в масках. По уровню силы – слабаки.

– Слабаки? Откуда ты знаешь?

– Это мой м-магический дар такой. Видеть уровень силы.

– А, ясно. Были бы сильные – нам бы не повезло так легко отделаться. Предположения можно строить самые ужасные – и не ошибешься. На что эти придурки были способны – лучше и не знать.

– Ой, не надо, не продолжай. Скажи мне быстренько, а у тебя какой дар?

Лиза выглядела удивленной.

– Как какой? Это же очевидно – я рисую.

– Рисуешь? – Кветка даже дрожать перестала, чем тут же воспользовалась, отпив сразу несколько глотков сладкого чаю. – Разве это магия?

– Да.

– А в чем там магия-то?

– Я вижу спрятанную ось. Суть. И хватит об этом.

Услышав в голосе соседки привычное нежелание рассказывать о себе, Кветка смирилась и спрашивать дальше не стала. Тем более в голове вспыхнул, а вернее, взорвался другой вопрос, куда более важный.

– Если... если эти слабые маги смогли такое, что же с человеком способен сделать такой маг, как Алехо?

– Кто? – прищурилась Синичка, которая, в отличие от Кветки, всегда задавала вопросы в лоб, не заботясь, приятно ли собеседнику их слышать. И тут же сориентировалась. – Ты про Юголина?

– Да.

– А он тут при чем?

– Он самый сильный маг из студентов, – нехотя призналась Кветка и снова отпила чай, заодно спрятав от пронизательного взгляда подруги покрасневшее лицо.

Синичка недоверчиво хмыкнула, и непонятно было, насчет чего это хмыканье – насчет того, что Алехо сильнейший студент, или насчет причины, выбранной Кветкой в качестве объяснения своего неожиданного восклицания.

– Да, именно так! Так что он может?

Лиза покачала головой.

– Не знаю. Надеюсь никогда и не узнать. Кстати, фамилия у него какая-то знакомая, не могу вспомнить, где слышала

точно, но вроде год назад был у них в семье скандал. Или, наоборот, нечто героическое. Правда, не помню совсем.

– С Алехо? Я слышала, как в туалете болтали, мол, в прошлом году он был совсем обычный, а в этом...

– Нет, там вроде не с Алехо было связано, а с его отцом. Кстати, не член ли он Совета?

– Ого! Правда?

– А что ты удивляешься? Ты же сама говорила – сильный маг, а сила всегда как минимум наполовину наследственная, так что, понятное дело, его отец не может быть не у дел. Как и остальные родственники. Понятно? И это мы еще не знаем, к какой именно квартире твой Алехо принадлежит. Ладно, если просто финансистов или научных крыс. А если к власти? Тогда совсем все скверно. Понятно, спрашиваю?

Кветка кивнула, но ей было понятно куда больше.

А именно – в следующий раз, когда ей приспичит смотреть в сторону вышеупомянутого кварта, она должна сделать что угодно, угрожать себе любыми угрозами, умасливать себя любыми доводами, но не поддастся своему невозможно-му желанию.

Глава 5. Подводные течения

Ринг пел.

Боец в красных трусах с татуировкой огромного дракона на всю спину сосредоточился на разминке, а вот черный, с узким засаленным хвостом волос зыркал в толпу в поисках мага. Алехо не знал, кто за ним стоит сегодня, поэтому постарался вести себя как окружающие – натянуть на лицо зверскую маску адреналинового возбуждения, погромче орать, болея за своего любимца и иногда демонстративно разминать мышцы, встряхивая кулаками. Мага черного бойца он вычислил почти сразу – тощий тип в натянутой до бровей трикотажной шапке – по виду, упойный торчок. Это хорошо, легкая победа всегда предпочтительней сложной, а то, что маг противника способен угробить своего бойца – их проблемы. Ну или законодательства. В общем, чужие проблемы.

Настораживало, что маг был не один – еще двое хилаков маячили в толпе у выхода за четвертой трибуной, но в остальном все было как обычно.

Забил гонг. Толпа взревела.

Алехо перестал пялиться на магов, потому что во всю глотку орал вместе со всеми. Красный боец начал драку сам, ударом левой. Черный уклонился и ответил тем же.

Почти минуту они просто прыгали друг против друга, об-

мениваясь пробными обманчивыми выпадами. Только раз черный задел красного по плечу, где тут же расцвел кровоподтек, а потом снова ничего. Толпа разочаровано примолкла, потом и вовсе раздался свист.

Маг в шапке сморщился.

Толпа – как индикатор, думал Алехо. Иногда кажется, она обладает общим разумом, способным предсказать удар или бросок, – ведь как иначе объяснить, что она взревет одновременно (если не раньше) с тем моментом, как кулак достигает своей цели?

Снова крик. Алехо очнулся, когда ситуация накалилась – красный вытирал кровь под разбитым носом, а черный ухмылялся, выставляя напоказ щербатые зубы.

Алехо вздохнул и открыл клетку.

Красный, конечно, победил, кто бы сомневался. Причем в конце сделал все возможное, чтобы черный просто физически не смог двинуться, потому что прекрасно знал расклад – или так, или на его совести будет человеческая жизнь.

Каждый подпольный бой на памяти Алехо напоминал предыдущий – конечно, после финальной победы одного бойца всегда находились недовольные болельщики со стороны другого, которые хотели немедленно восстановить справедливость с помощью собственных кулаков. Большинство из них и понятия не имело, что такое бои без правил. Что на самом деле ударить кого-то кулаком довольно больно не только тому, кому ты врезал, но и тебе самому. Так что было

даже забавно наблюдать за такими, которые вопили и брызгали слюной, бросаясь в драку, а потом выли, зажимая ногами собственную руку, частенько сломанную. Хотя бы один выпендренник за вечер да находился.

Но в этот раз до драки еще не дошло, когда среди толпы показался маг, за которым следовали еще двое. Нарик и щуплая парочка, тоже на одной из последних стадий зависимости, но двигаются бодренько, проныривая между людьми.

Алехо и глазом не успел моргнуть, как они подобрались достаточно близко, чтобы его вычислить.

– Стоять! – заорал тощий маг и от такого усилия аж затрясся.

Алехо засмеялся – приказной тон у него явно не вышел. Неужели они верят, что втроем его скрутят? Ну правда, ушлепки. Забыли, каким тоном следует обращаться к тем, кто сильнее? Что и говорить, наркотики до добра никого еще не доводили, кварт ты или безродный.

Но сегодня хотелось другого. Не просто взять верх, а взять победу так, голыми руками. Алехо сжал правый кулак, чувствуя кожаную перчатку без пальцев, и одновременно проверил магию – отлично, эти задохлики ею не воспользуются.

Он впервые за вечер заорал с настоящим азартом и прыгнул в сторону щуплого, целясь тому в челюсть. Похоже, многим, в том числе и ему самому, скоро будет больно.

Вечер обещал быть занятым.

На завтраке все были такими вялыми, как будто часами сидели на лужайке под палящим солнцем, от которого нигде не укрыться.

Синичка даже есть не хотела, а Кветка хоть и позавтракала с привычно отменным аппетитом, все равно без восторга – слишком плотно засели в памяти вчерашние события, а точнее, собственная беспомощность перед лицом довольно-таки слабенького мага.

Да еще Алехо на завтрак не пришел... Он не часто прогуливал, да и к лучшему, что его нет, если честно, но ведь все равно не пришел.

Но особо раскиснуть не получилось, потому что подошли Юрка и Сергей, с которыми Кветка отплясывала на вчерашней вечеринке и которые остались от нее в восторге и желали немедленно поделиться какими-то новостями. Ничего особенного, просто стали болтать о том, кто как добрался домой (а некоторые были так пьяны, что добрались только к утру), хотя чего там добираться, когда нужно пройти всего квартал по прямой освещенной дороге – выше Кветкиного понимания.

– Да уйдите уже! Достали с вашей фигней! Кому это интересно? – неожиданно взъярилась Лиза. У Кветки даже глаза на лоб полезли – соседка, конечно, не была идеалом при-

ветливости, но так откровенно на ни в чем не повинных существ еще не срывалась.

– Что с тобой? – строго спросила Кветка, когда друзья отпрянули, впрочем, ничуть не обидевшись, – просто один что-то шепнул второму на ухо, и оба зафыркали и захихикали. Дежурная шутка про ПМС всегда в таких случаях выручает от неловкости.

– Ничего.

– Косте будешь заливать, что все как под радугой! Что с тобой, Лиза?

Та даже побелела от злости, но Кветка не остановилась:

– За что ты так с ребятами? Они просто болтают, а во все не посягают безраздельно на твое драгоценное внимание. Извини, но ты так себя ведешь, будто им отказываешь, но они-то и не подкатывают! Что за высокомерие? Откуда?

Лиза взвилась и почти огрызнулась, но вдруг остановилась и просто нехорошо улыбнулась. Воротник ее формы загнулся, но поправить Кветка не рисковала – еще останешься с откусанными пальцами.

– Кто тебе меньше всех нравится? Из парней? Ну, из людей – минималистов? – поинтересовалась Синичка, откидывая голову так, чтобы волосы сползли на спину.

– Ты это к чему?

– Покажу кое-что интересное. Ну так кто? Кого не жалко? Кветке даже не пришлось оббегать взглядом свой курс.

– Конечно, рыжий Макс Фиалкин. Такого подлизу и сту-

кача еще поискать.

– Отлично! – Лиза вдруг встала и молча потопала к пустующему столику с Максом, оставив Кветку наблюдать. Она уселась напротив него и, не теряя времени, принялась так откровенно заигрывать и так призывно смотреть, что вокруг тут же раздались смешки. Даже сидящие поблизости кварталы оглядывались, пытаясь понять, отчего так рьяно веселятся минималисты.

У Кветки было такое ощущение, что кто-то подменил ее стойкую соседку на другую, пустую и безголовую. Надо же, столько времени жить по соседству с актрисой и не подозревать об этом!

Наконец завтрак закончился. Лиза, наклонившись, сказала что-то Максу на ухо, и видимо, что-то довольно приятное, так как он засветился от удовольствия. Когда Лиза отнесла свой поднос, вернулась к Кветке, уселась на прежнее место и безразлично уставилась в стену, та принялась считать до десяти, чтобы изо рта не вырвалось что-нибудь нецензурное.

Максим тем временем тоже отнес поднос с посудой и направился к выходу, где неожиданно столкнулся с Костой, который, казалось, выскочил прямо из-под земли.

Кветка насторожилась, потому что любой подвох чувствовала нутром. Так же неожиданно любил появляться один из ее братьев, когда бывал в дурном расположении духа и желал поскандалить, а вернее, просто на ком-то оторваться.

– Извини, – вежливо сказал Макс и попытался пройти ми-

мо.

– Стой, где стоишь, – негромко ответил Коста, у которого было такое лицо, будто его только что смертельно оскорбили, причем самым страшным оскорблением из всех возможных, требующим немедленной смертельной дуэли. – Ты, мразь, смотри куда прешь. Тебе жизни не хватит отработать стоимость моих ботинок. Если я выпишу тебе счет, ты будешь оплачивать его до конца своих дней. Понял? Что смотришь? Хочешь сказать что-нибудь против?

Макс быстро покачал головой. Его лицо побледнело, а глаза чуть ли не вывалились от изумления. Макс и подлизой-то был, потому что искренне верил, что кварталы по всем статьям выше людей. Лучше людей. Он был уже заранее согласен с каждым словом Косты, уже заранее готов на все. Кветка не любила Макса, но такого отношения за безобидную провинность... даже он не заслужил.

– На этот раз прощу. Вали, давай, отсюда. Впредь, когда видишь меня, обходи так далеко, чтобы даже случайно на глаза не попасться. И сосредоточься на учебе, а не на праздничестве. Сиди дома и учись, это единственное, чем ты должен заниматься в академии. Единственное занятие – учеба, усек? Я понятно выражаюсь?

– Да, – пролепетал Макс и остаток дня вел себя тише мыши, не отрывая горящего взора от ртов преподавателей.

А Кветка остаток дня поражалась, почему никто не связал неожиданно грубое поведение Косты с поведением Лизы,

которая после обеда тоже вела себя тихо и выглядела раскаявшейся. Она даже не рисовала ничего, а кусала губы, когда думала, что ее никто не видит и крайне невнимательно слушала лекции, что на нее тоже мало походило.

К вечеру, когда они вернулись в общежитие, Кветка уже настроилась на разборки и сразу потребовала объяснений. Прежде ей и в голову не приходило, насколько соседка была права, когда говорила о полном контроле со стороны семейки Пантокринских, часть из которых явно страдала безумием. Или слабоумием?

– Дело в Косте, – сразу же ответила Лиза, забираясь на диванчик с ногами и сердито встряхивая хвостом волос, – если он узнает, что я с кем-то встречаюсь, то у этого парня появляется куча неприятностей. Ты даже не представляешь... Одного моего парня уволили с работы, второй сказал, что Коста явился посреди ночи к нему домой, чем напугал его семью до полусмерти, и грозился его избить, в общем, сама понимаешь, мало приятного.

– Хорошенькие дела, – только и ответила Кветка.

– Поэтому мой принц мне не светит. Деньги у Косты. Правила у Косты. Поддержка родителей и предварительное согласие с любым его решением. Даже мама не будет в случае чего спорить. Сама понимаешь – на моем месте кто угодно взвоет и захочет обратиться от него подальше.

– Почему он так делает? Ты... дала ему повод?

Лиза от возмущения так долго не дышала, что у нее поси-

нели губы. Потом она глубоко вздохнула.

– Я ничего и никому не должна. Никаких никому поводов не давала. Никто не имеет права так распоряжаться моим личным выбором. Я этого не потерплю.

– То есть действительно... постоянно? – изумленно повторила Кветка, представляя, каково это – говорить со случайным молодым человеком, представляя, что с ним сделает Коста, если заподозрит в наличии обоюдной симпатии.

– Да. В общем, надеюсь, больше комментариев насчет парней и принцев от тебя не услышу.

– Да, извини, я же не знала. А что он делает, когда ты далеко и неизвестно с кем? Неужели следит?

– Ну... – Лиза задумалась. – До слежки, думаю, не доходит. Последний, с кем я встречалась, был так, из чувства вызова – мы с ним только пару раз в неделю куда-то выходили, иногда я ночевала у него, но когда Коста из академии вернулся на каникулы, я и с ним рассталась. Привыкла за два месяца, жалко стало. А расставаться было не жалко. Я и спала-то с ним просто всем назло. Так что ему ничего не было. Заочно, видимо, со мной встречаться безопасно... Вот так... А у тебя как с этим делом? Остался кто-нибудь дома?

– Да нет. – Кветка пожала плечами. – Как-то не складывается.

– Нет? То есть... совсем-совсем нет? Ни разу?

– Да вот, сама удивляюсь.

– А почему нет? Бережешь себя для мужа?

Кветка сморщилась. Не хватало еще, чтобы ее приняли за одну из тех недалеких девиц, что кичатся своей нетронутостью. Тоже мне, было бы чем. Разве не логичнее гордиться какими-нибудь достижениями, на которые потрачены реальные усилия, а не тем, что дано от природы?

– В том-то и дело, что нет. Я даже не знаю, как пояснить... Просто когда я начинаю общаться с ребятами, ну, на этой ноте, они почему-то думают, что я настроена на очень серьезные отношения и многого от них жду. Мне так даже один сказал после того, как мы встречались целых два дня: «Ты слишком много от меня хочешь. Я еще не готов и не планирую заводить семью и детей». А я, помнится, только и рассчитывала, что на следующую дискотеку попасть в его сопровождении. До сих пор не знаю, что такого сказала, что он не так понял.

Кветка действительно недоумевала. Сколько времени потрачено на разбор подробностей свиданий и на поиск того переломного момента, когда кавалер пугается и идет на попятный, – и ничего. Нет результата. Ну просто тайна века!

Лиза улыбнулась:

– Может ты ненавязчиво говорила что-то вроде: «Давай встретимся в субботу, потанцуем и заодно обсудим, когда и где играть свадьбу, и ты, кстати, как хочешь назвать детей? Мне нравятся имена Ира и Кирилл».

Такого не было, но Кветка кивнула. Вот правда, если бы от ответа зависела ее жизнь, она бы не смогла объяснить, поче-

му так получается. Может, они чувствовали, что, кроме простой симпатии, Кветка ничего к ним не испытывает? Ведь даже животные чувствуют отношение, чего говорить о людях. А кому понравится, что ты существуешь только для галочки?

Ох, сколько же от них неприятностей все время! Даже сходу не скажешь, от кого в жизни больше неприятностей – от кварталов или от мужиков.

От мужиков-кварталов? – с готовностью поинтересовался внутренний голос, но Кветка быстро изгнала его прочь. Нечего тут!

Примирение, считай, состоялось, и девчонки привычно стали пить чай. Намедни Лиза притащила от Малии немалых размеров слобную булку с творогом, так что они сегодня пировали – варенье давно закончилось, за выходные были уничтожены последние запасы крупы, и вообще деньги почему-то тратились куда быстрее, чем зарабатывались.

Посреди чаепития до Кветки дошло.

– Слушай! – закричала она так громко, будто ошпарилась. Так и Лиза подумала, подскочила и стала заглядывать в рот, приговаривая: «Покажи, покажи, что там у тебя».

– Да нет же! – Кветка рассмеялась, отмахиваясь от нее рукой. – Сядь. И слушай. Я нашла выход. Коста нейтрализует всех твоих кавалеров, верно?

– Ты опять? – Лиза недовольно нахмурилась и отошла.

– Да нет же, – светилась радостью Кветка. – Слушай даль-

ше. Но кавалеры-то люди. А что, если кавалером станет кварт?

Тут уж Лиза промолчала и только таращилась, как баран на новые ворота.

– С кварталом же он ничего не сможет поделывать, верно? Угрожать легко только слабым, – с победоносным видом продолжала Кветка, смакуя каждое свое слово. – А кварт легко способен дать ему сдачи. Ты поняла?

– Какой кварт?

– Из партии Гонсалеса! – добила ее Кветка. – Поняла? Они за равенство, и, судя по информации из сети, партия «Наравне» входит в число крупнейших. Очень много молодежи. Наверняка, некоторые из них готовы встречаться с людьми. – Она перестала улыбаться. – Я никогда бы тебе не посоветовала заводить с кварталом что-то серьезное – это невозможно, но вот ради повеселиться или еще лучше – утереть Косте нос, так это всегда пожалуйста! Я буду только рада!

И Кветка снова расхохоталась, переполненная восторгом от собственной находчивости, особенно когда увидела, каким пониманием и надеждой загораются глаза Синички.

Кветка посмотрела на остатки булки и с трудом отвела взгляд – все-таки до полноценного ужина им как до небес. Зато талия остается на месте.

– Поражаюсь, я, Синичка, как любые мозги отключаются, когда дело касается амурных дел их хозяина. Несмотря на

весь твой ум...

Лиза, уже вернув былое радушное расположение духа, упорхнула обратно в гостиную и развалилась на узком диванчике.

– Может быть и так, – не совсем шутливо ответила она. – Или у тебя задатки революционерки, Кветка. Ты не думала тоже вступить в партию Турбы?

И отсалютовала подруге, которая откашливалась, подавившись чаем.

* * *

Стоило Алехо открыть дверь и войти в аудиторию, как болтовня прекратилась. Кветка повернула голову и ее челюсть отвисла так же низко, как у всех остальных.

Алехо – поджарый, долговязый, в синих джинсах и мятом сером свитере, прихрамывая, шел к своему месту, его лицо было разбито, оба глаза окружены фингалами разной интенсивности синего, губы цвета сырого мяса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.